

18+

Стелла Так

ПОЦЕЛУЙ

KISS ME

МЕНЯ

NOW

СЕЙЧАС

ОТ АВТОРА БЕСТСЕЛЛЕРА
«ВСЕГО ОДИН ПОЦЕЛУЙ»

Стелла Так
Поцелуй меня сейчас
Серия «Клуб романтики»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68781843

Поцелуй меня сейчас: [роман] / Стелла Так; пер. с нем. Т. Сурменко.:

АСТ; Москва; 2023

ISBN 978-5-17-147106-4

Аннотация

Когда Ева встречает сына дворцового телохранителя, водоворот чувств захватывает ее с головой. Свободолюбивый Кингсли совершенно не вписывается в окружение королевского двора, и он не может устоять перед очарованием принцессы. Цена волнующего флирта – смерть: отец Кингсли расплачивается жизнью, защищая Еву.

Их пути расходятся, пока Кингсли не приходится занять место отца, чтобы защищать Еву.

Содержание

Часть 1

5

Конец ознакомительного фрагмента.

162

Стелла Так

Поцелуй меня сейчас

Stella Tack

Kiss Me Now – Kiss the Bodyguard

Печатается с разрешения Ravensburger Verlag GmbH

© 2022 Ravensburger Verlag GmbH, Ravensburg, Germany

© 2022 Stella Tack

© Сурменко Т., перевод на русский язык

При создании оформления использованы изображения ©
piyaphong / Shutterstock

© Maram / Shutterstock

© MrVander / Shutterstock

© ООО «Издательство АСТ», 2023

Часть 1

Кингсли

Нью-Йорк

Стекло разбилось с оглушительным звоном, когда Декстер ударил по нему замотанным в тряпку кулаком.

– Старик, зачем? Потише нельзя было? – прошипел я.

В ответ Декстер жестом приказал мне заткнуться, а сам оглянулся и принялся осматривать внутренний двор средней школы Бронксвилла. За нами были только разрисованные граффити скамейки и битком набитые урны. Потрескавшуюся бетонную дорожку покрывали окурки, слипшиеся с раздавленной жвачкой. Тихо поскрипывали металлические цепи баскетбольных корзин. В паре кварталов от нас раздались два резких автомобильных гудка. На фоне типичного для половины первого ночи нью-йоркского шума слышался скрежет проволочного забора. Не знаю, что в этот момент творилось в голове у Декса, но я затаил дыхание и был готов моментально бросить нашу затею, если на горизонте появится свет полицейской мигалки или послышится звук сирен.

После скрежета раздался сильный удар о забор, за кото-

рым последовала ругань.

– Черт! Кинг? Декс? Где вы, черт возьми?

Мы с Дексом облегченно вздохнули.

– Расслабься, черт возьми, это все лишь Чендлер, – шепнул мне Декс.

Когда я, немного выдохнув, опустил плечи, Декс широко ухмыльнулся. В зеленом свете таблички, обозначающей запасной выход, его ухмылка выглядела устрашающе: из-под бейсболки, которую он нацепил, развернув козырьком назад, торчали светлые волосы. Капюшон, надетый поверх кепки, скрывал черты лица в тени. Его обычно светлые глаза теперь казались почти черными, а зеленый свет вывески придавал коже нездоровый зеленоватый оттенок. Словом, будь у нас камера, мы бы с легкостью сняли продолжение фильма «Паранормальное явление».

– Договорились же в полночь! – возмутился я и поежился.

Декс пожал плечами и просунул замотанный кулак через только что разбитое окно и поднял старый затвор. Меня поразила ловкость, с которой он это проделал.

– Ты же знаешь Чена, – сказал он. – Небось, опять уснул. Сходи за ним, пока он себе там шею не свернул.

– Или давай лучше возьмем Чена, пойдем в «Тако Белл» и забудем обо всей этой истории, – предложил я уже в третий раз за этот вечер.

В Нью-Йорке стояла весна. Я задубел, устал и был на взводе, паникуя, что нас могут поймать. А в «Тако Белл» нас

ждало фирменное блюдо. И если выбирать между арестом за проникновение со взломом в государственное учреждение и фирменным тако, то я предпочитаю тако.

Декс пробурчал что-то себе под нос и открыл окно.

– Че ты заладил, Кингсли? Не ссы. В этот раз мы идем до конца. Туда, обратно – легче легкого.

Из моего рта вырывались клубы пара. Где-то завывала полицейская сирена. Сзади снова послышался сильный удар. Я вздрогнул. За ударом последовал стон Чена.

Декс поднял бровь и посмотрел на меня, одновременно вызывающе и снисходительно. Этот взгляд я терплю с тех пор, как нам было по четыре года. Не представляю, как Дексу удастся так так высоко задирать брови, но, когда он корчит такую рожу в стиле Джеймса Дина, у меня неизменно возникает желание врезать ему по физиономии.

– Пошли, – сказал он. – Бежать уже поздно. Ты знаешь, почему мы здесь. Мы договорились.

– Хорошо, как знаешь, – фыркнул я и отвернулся.

– Король ты наш, – подтрунивал Декс¹.

Все еще на нервах, я выглянул за угол и увидел тощую фигуру Чена, ковыляющую к нам через школьный двор.

– Король? – неуверенно протянул он.

– Нет, блин, королева! Чен, где тебя черти носят? – напустился я на него и, закинув ему руку на шею, потащил к открытому окну.

¹ Игра слов в сокращении имени от Kingsley до King (*Прим. ред.*)

Вообще, на всех окнах первого этажа установлены решетки, но на этой неделе окна мыли, решетки снимали, и, видимо, одну забыли вернуть на место. Декс был счастлив, когда обнаружил это.

– Искал вас, – пожаловался Чендлер. – Я думал, мы встречаемся в «Тако Белл».

– Мы пойдем в «Тако Белл» потом.

– Правда? – воодушевился он, поправляя свой рюкзак.

– Ну да, – ответил я.

Пирсинг на лице Чендлера блеснул в зеленом свете таблички запасного выхода: проколы по левой брови и «укус змеи» под губой. Кроме этого имелась еще и штанга в языке – когда нервничал, он стучал ею по по внутренней стороне зубов. От одного его вида у меня заныл шрам, оставшийся от первого – и единственного – пирсинга, на который он же меня в свое время и уговорил.

– Че вы там застряли? Может, еще поцелуетесь?

В окне появилась голова Декса. Фонарик айфона подсвечивал его лицо снизу, и вкуче с натянутым почти на глаза капюшоном он выглядел так, будто сейчас пустится рассказывать нам страшилки.

Мы с Ченом переглянулись, Чен улыбнулся и послал мне воздушный поцелуй.

– Ревнуешь, Декс? – спросил я и скрутил свои длинные, доходящие до спины черные волосы в пучок.

Декс весело посмотрел на меня.

– А то! – прошептал он, прежде чем исчезнуть внутри школы.

Идиот.

– После тебя, – любезно сказал я и подсадил Чена.

Лезть было невысоко, но Чен был настолько хилый, что вряд ли бы справился сам. Мою помощь он принял без всяких возражений. Следом в окно полез и я. Ухватился руками за карниз, напряг мышцы предплечьев под черными этническими тату и, подтянувшись, залез на подоконник. Под моими армейскими ботинками заскрежетали осколки. Присев на корточки, я оглянулся и вдохнул ледяной воздух. Школьный двор был по-прежнему пуст. За забором из плетеной сетки, отделенная от школы небольшой полосой деревьев, шумела ночная улица. Идиллия. Но я почему-то не мог избавиться от нехорошего предчувствия. У нас за плечами были выходы и похлеще сегодняшней, и все-таки я знал, что, если сегодня что-то пойдет не так, последствия для нас могут быть самые удручающие.

– Кинг! Иди уже! – нетерпеливо цыкнул на меня Декс.

Отгоняя недоброе предчувствие, я отвернулся и спрыгнул с подоконника в школьный вестибюль. Темнота стояла крошечная. Единственным ориентиром послужили прыгающие лучи из телефонных фонариков друзей. Смех Чена эхом разносился по просторному залу, и почти сразу я услышал быстрое звяканье металлического шарика во встряхиваемом баллончике с аэрозолем. У Декса явно чесались руки. Покачав го-

ловой, я достал из кармана свой телефон, включил фонарик и последовал за ними через вестибюль к лестнице. Здание школы было построено в двадцатых годах прошлого века, и здесь до сих пор сохранились оригинальные перила из дерева. Перескакивая по три ступеньки махом, я то и дело за них хватался – они были гладкие и холодные на ощупь. Прыгающие лучи наших фонариков выхватывали развешенные по стенам работы художественного кружка. В нос ударил запах воска для натирания пола и хлорки.

Уборка завершилась по расписанию, ровно в одиннадцать часов вечера, а значит, теперь мы уже не рисковали ни на кого наткнуться. Несмотря на то, что охрана здесь работала только в дневные часы, репутация у «Бронксвилла» была хорошая. Но после сегодняшней ночи это изменится.

В конце коридора, где располагались шкафчики учеников, прислонившись к металлическим дверцам, меня ждали Декс и Чен. Раздался тихий щелчок, вспыхнула зажигалка, и Чендлер закурил косяк; по коридору потянулся сладковатый запах.

– Черт тебя подери, Чен! Туши давай, а то сработают датчики дыма, – прорычал я, в ответ Чен личись сделал еще одну затяжку и, выдохнув в мою сторону внушительную порцию дыма, стряхнул пепел на пол.

– Расслабься. Мы же пришли веселиться, уже забыл?

– Как мне забыть, – фыркнул я. – В прошлый раз после этих слов мы чуть за решетку не загремерли. Помнишь, кто-

то пытался обезьяну из зоопарка стырить? – напомнил я.

Чен хихикнул.

– Весело было.

– Ага, особенно бедной макаке.

– Да бросьте вы, – прервал нас Декстер и полез в рюкзак Чена. Он бросил мне баллончик с распылителем, и я поймал его одной рукой. Втроем мы сделали пару шагов назад и посмотрели на тянувшиеся вдоль стены шкафчики.

– Справишься? – спросил Декс.

Я встряхнул баллончик и откинул большим пальцем крышку. Резкий запах краски ударил мне в нос. Мне не терпелось начать.

– Конечно, – просто ответил я, натягивая черную маску на нос и начиная распылять краску.

Пары проникали сквозь ткань, на которой был изображен неоновозеленый широко улыбающийся рот. Как только я начал выводить первые линии, мир отошел на второй план. Вся нервозность и беспокойные кувырки в животе мгновенно улетучились. Я опустошал один баллончик за другим, Декс помогал рисовать линии, а Чен стоял на стреме – прислонившись к перилам лестницы с косяком в руке. Я расслабил мышцы, хрустнул шейными позвонками. Баллончик в моей руке нагрелся. Я стал чередовать цвета, и вскоре черные линии пересеклись с неоновозелеными, розовыми, синими, красными и желтыми. Декс что-то напевал себе под нос, какой-то отстой из Баха или Моцарта. У парня были не

все дома, но я не мог представить себе жизнь без него. Мы с Дексом были не разлей вода, сколько я себя помню. Наши мамы вместе учились в школе, мы родились с разницей в несколько дней, играли в одной песочнице, ходили в один детский сад, а потом – в одну школу. Мы всегда были вместе. Не изменится это и через несколько недель, когда мы выпустимся из школы – мы с Дексом уже получили подтверждения из Колумбийского университета. Чендлера пока мурыжили в списке ожидания, но, даже если его не примут, у его родичей достаточно денег, чтобы финансировать его бесконечное безделье. Хотя сомневаюсь, что они о таком будущем мечтают для своего сыночка.

– Долго еще?

Голос Декса эхом пронесся сквозь туман в моей голове.

– Нет, – ответил я, наклонился и добавил к надписи последнюю закорючку.

Пальцы у меня все перепачкались краской и пахли скипидаром. Пот струился у меня по спине, но я был весь на адреналине – заканчивать совсем не хотелось.

– Черт возьми, старик, это шедевр, – пробормотал Чендлер, и Декс одобрительно присвистнул.

Я отступил назад и окинул взглядом граффити. Это была огромная голова льва – символа «Бронксвилла». Его грива развевалась ядовито-зелеными, желтыми, розовыми и красными прядями. Широко раскрыв пасть и оскалив острые зубы, зверь поедал человека, обладающего удивительным сход-

ством с директором Джарвисом. Внизу крупными буквами с заостренными краями надпись: «Ешь богатых!»

– Декс, ну вылитый твой папаша, – рассмеялся Чендлер.

Декс тоже растянулся в улыбке, обнял меня за шею и положил подбородок мне на плечо.

– Вот мой старик охренеет завтра! Краска ж реально водостойкая?

– Да. Они это теперь ничем не смоют, – заверил я и стал собирать пустые баллончики в рюкзак. Оставлять их здесь было нельзя – отец Декса, директор Джарвис, вполне мог дать распоряжение снять отпечатки пальцев. Причем нам очень повезло, что в школе нет камер наблюдения. Хотя после этой ночи они, наверное, все же появятся, но это уже не наша проблема. Скоро нас уже здесь не будет. Мы еще раз взглянули на наш шедевр. Вдруг Декс стянул капюшон. Выражение его лица мне не понравилось. Он выглядел беспокойным, каким-то голодным. Облизнулся. Он что-то задумал.

– Не делай этого, – предостерег я.

Декс поднял одну бровь и посмотрел на меня, не отрывая своего подбородка от моего плеча.

– Понятия не имею, о чем ты, – пробормотал он.

Я фыркнул и ткнул его локтем в ребра.

– Все ты понимаешь. Мы уже уходим. Поверь, сообщение дойдет до адресата, и директор Джарвис... Эй, ты куда? Вернись! Декс!

Друг отстранился от меня и помчался вверх по лестнице. Я с тревогой посмотрел ему вслед.

– Расслабься, Кинг, я скоро вернусь! – крикнул он сверху.

Выпустив через нос дым от последней затяжки, Чен раздавил окурок и подошел ко мне.

– Во его кроет, да?

Я вздохнул, потирая шею.

– Со временем ему полегчает. Мои родители тоже в разводе, но я как-то держу себя в рамках приличия.

– Да, но, согласись, все-таки твой отец не трахал свою секретаршу и не выгонял твою мать на улицу без гроша? – спросил Чен, даже в таком состоянии демонстрируя невиданную проницательность.

– Да, он просто свалил в Канаду, но для меня это не повод...

Послышался треск, который заставил нас обоих резко поднять головы. Грохот становился все громче.

– Кажется, он громит кабинет своего отца, – пробормотал Чен.

Я выругался, и в следующее мгновение мы уже бежали наверх к Дексу. Кабинет директора Джарвиса располагался на последнем, пятом этаже, откуда открывался шикарный вид на Манхэттен. Когда я поднялся на последнюю ступеньку, увидел, что двери из темного красного дерева распахнуты настежь. Оттуда вылетела толстая энциклопедия и со звучным хлопком упала на деревянный пол. Последовал грохот,

как если бы Декс сорвал со стены полку.

– Декстер, что ты делаешь? – завопил я, уворачиваясь от летящих в меня бумаг. Взъерошенный, Декстер стоял посреди комнаты – ну чисто светловолосый ангел мести, разрушающий кабинет отца.

– А на что похоже? Крушу этот чертов кабинет. Мне тошно. Здесь все воняет деньгами. Ты только посмотри! Что это такое? – Он поднял с пола ручку и скривился от отвращения.

– Шариковая ручка? – озадаченно предположил Чен.

– Эта ручка – из чистого золота! У этого человека есть золотая шариковая ручка, а моей маме он не отдал ни цента после двадцати пяти лет кошмарного брака! А своей новой телке купил новый шкаф – для сумочек! Шкаф для гребанных сумочек! Меня за завтраком чуть не вырвало, и от вида золотых ручек мне легче не становится...

Декс сплюнул, а меня вдруг снова охватило беспокойство. Не надо было нам сюда приходиться. После развода Декс как с катушек слетел. Отца он никогда не любил, но это уже выходило за всякие рамки. Я искренне о нем беспокоился. Его беззаботная улыбка, которой он пудрил девушкам головы, стала циничной, а взгляд – беспокойным. Вряд ли он спал, сколько положено, вряд ли питался нормально. Вот уже несколько недель он оставался ночевать у меня или Чена. Меня это не напрягало, я знал, что он просто избегает новую жену своего отца. Они с отцом постоянно орали друг на друга, и Декс стал просто образцовым прогульщиком. Декс

схватил старый футбольный кубок, замахнулся и швырнул в окно.

– Че...

Кубок врезался в стекло, и мое ругательство потонуло в звоне разбитого стекла. По комнате полетел дождь из осколков.

– ...рт, – закончил Чендлер мое проклятие.

Но Декс все не унимался. Встряхнув баллончик с краской, он принялся выводить что-то на директорском антикварном столе. Проклятье! Я знал, что двумя пшиками он не ограничится, и поэтому сделал то, что сделал бы любой хороший друг в этой ситуации. Вырвал банку у него из рук и рявкнул:

– Ты что, спятил?

– Я уже почти все. Осталось только поджечь документы...

– Нет! Хватит, Декс. Мы уходим.

Ледяной ветер со свистом влетал в разбитое окно.

– Силой потащишь меня?

Декс снова облизнул нижнюю губу и криво усмехнулся. Я не растерялся.

– Если потребуется.

Его левый глаз дернулся. Этого мне было достаточно, чтобы понять, в каком направлении он будет уклоняться. Молниеносно я подался вперед, схватил Декса за руку, рывком скрутил его и с грохотом ударил головой о забрызганный краской стол. Он громко зарычал, когда его упрямая голова уперлась в дерево.

– Ладно, хватит, Декс. Прощайся, и мы уходим.

– Черт возьми, Кинг, все в порядке, отпусти, – застонал Декс, но я не был настолько глуп и... Да, я просто не был настолько глуп, чтобы поддаться на его уловки, поэтому просто схватил его покрепче и выволок из разгромленного кабинета.

– Пусти меня, Кингсли! – рявкнул Декс.

Чен с невозмутимым видом подхватил его за ноги, и мы потащили нашего ревущего товарища вниз по лестнице.

– А-а-а! – орал Декс.

В какой-то момент он начал брыкаться, а мы с Ченом и без того уже запыхались. Но только я подумал, насколько проще было бы просто сбросить его вниз через перила лестницы, как вдруг он обмяк в наших руках и громко засопел носом.

– Хорошо, теперь мне стыдно. Можете меня отпустить, – проворчал он.

Мы с Ченом переглянулись.

– Теперь тебе стыдно? – спросил Чен.

– Правда? – добавил я.

– Да, – сказал Декс.

– Слава богу, а то у меня сейчас спина сломается, – застонал Чен и разжал руки.

И поскольку Декс правда это заслужил, недолго думая, я тоже его отпустил. Вытаращив глаза, он тяжело рухнул на пол.

– Вот вы засранцы! – со стоном выругался он.

Я присел рядом с ним на корточки и слегка похлопал его

по щеке.

– Это было не круто, Декс. Никогда больше так не делай. В следующий раз я просто уйду, и ты сам будешь разбираться со своим дерьмом. Я знаю, ты злишься, но, когда директор Джарвис узнает, что это ты сделал, проще твоя жизнь не станет.

Уголки его рта подергивались.

– Что он может сделать? Вышвырнуть меня? Написать заявление в полицию? Выгнать из собственной школы? Да это ж для него самого позор в первую очередь.

– Он может не дать тебе денег на колледж. И что тогда? Давай, брат, мы все спланировали. Это того не стоит. Немного осталось, и скоро будем только ты, Чен, я и Колумбийский Университет. Сделай глубокий вдох и сосчитай до десяти.

Я заговорил, как его терапевт.

Декс уставился на меня. В его тусклых глазах все еще горела ярость, но постепенно она стихала. Он глубоко вздохнул. Автоматически я сделал то же самое, как нас и учил терапевт Декса на той сессии по управлению гневом.

– Ты прав, – наконец, выдал Декс, и я улыбнулся.

– Что есть, то есть. Я же самый умный и самых красивый из нашей троицы. Или ты забыл?

– Это спорное утверждение.

– А вот и нет.

– Кинг симпатичнее. Девчонки из десятого класса даже основали фан-клуб, – усмехнулся Чен, и Декс закатил глаза.

Я протянул ему руку, и он, ухватившись за нее, поднялся.

– Все, наконец-то, «Тако Белл», мы... – начал было я, но вдруг откуда-то послышался звук, и мы все трое вздрогнули.

Вероятно, он проникал внутрь школы через разбитое окно в кабинете директора, потому что вообще-то окна в «Бруксвилле» были почти звуконепроницаемыми. Мой пульс мгновенно подскочил до ста восьмидесяти, голова закружилась.

– Вы тоже это слышите? – тихо спросил я.

– Что? – не понял Чен.

Декс встал рядом со мной и тоже прислушался. Звук становился все громче, он приближался. Это...

– Копы, – выдавил я, леденяя. – Наверное, кто-то услышал шум или увидел, как что-то вылетело из окна, – сказал я, понимая, что в этих словах звучит неприкрытый укор.

Декс бросил на меня сердитый взгляд и отошел к соседнему окну.

– Может, они и не сюда... Так, да, это реально копы, и они идут сюда. План «Б» вступает в силу.

– У нас были планы? – спросил Чен с легкой паникой в голосе.

– У Декса, видимо, были, – пробормотал я. – Что еще за план «Б»?

– Бежать! – сказал Декс.

Мы переглянулись. Один, два, и мы бросились вниз по лестнице. Сердце колотилось у меня в груди как сумасшедшее. Теперь нам было уже не до фонариков, так что темнота

стояла кромешная. Я споткнулся о последнюю ступеньку и тут же почувствовал руки Декса, которые рывком схватили меня и потянули вверх.

– Спасибо, друг, – задыхаясь, выдавил я.

– Всегда пожалуйста.

Окно в вестибюле оставалось открытым. Мягкий свет уличного фонаря проникал внутрь, и мы ринулись туда. Только Чен остался стоять у лестницы, хотя вой сирены становился все громче.

– Чендлер, шевелись! Нам нужно убираться отсюда! – крикнул я.

– Ребята, кажется, я забыл рюкзак наверху. У шкафчиков, – прохрипел он неестественно высоким, напуганным голосом.

– Что? – спросили мы с Дексом хором.

Чен застонал.

– Рюкзак остался наверху. Забыл про него. Я... Я поднимусь, заберу, – тихо сказал он, но не двинулся с места.

Мы с Дексом переглянулись. Я знал, что мы подумали об одном и том же: Чену потребуется слишком много времени, чтобы подняться на этаж и снова спуститься вниз. Но если оставим рюкзак – это, считай, чистосердечное признание, потому что рюкзак Чена в «Бронксвилле» знали все. О его рюкзаке ходили легенды. А все потому, что Чен предлагал любому желающему оставить на нем свой авторграф, и теперь на нем пестерли десятки подписей, глупые каракули

и даже пара шпаргалок. Если его рюкзак найдут возле граффити – всем сразу станет ясно, кто тут замешан, потому что где Чендлер, там и мы с Дексом.

– Я... – начал я, но сразу осекся, потому что Декс развернулся и побежал назад, к лестнице. – Декс, что ты делаешь? – прошипел я ему вслед.

– Я заберу рюкзак. Это я виноват, мне и расхлебывать. А вы валите отсюда. Встретимся в «Тако Белл» через пятнадцать минут.

В темноте я смутно видел, как его силуэт исчез наверху. Чен застонал. Я коротко, но больно ущипнул себя за переносицу и с глубоким вздохом сел на корточни.

– Хватит ныть! – потребовал я. – Декс справится. Давай, Чен, залезай!

Я подсадил его, помог залезть на подоконник и через секунду услышал, как он плюхнулся на асфальт, точно мешок с картошкой. Я ловко подтянулся, но остался сидеть на корточках на подоконнике, напряженно прислушиваясь к шагам Декса. Прикидывал в уме, сколько у него уйдет времени. Вообще, он уже скоро должен вернуться. Декс состоял в футбольной команде, бегал быстрее ветра.

– Кингсли, что ты делаешь? – прошипел Чен снаружи и потянул меня за куртку.

– Жду Декстера

– Ты спятил? Копы сейчас придут.

Я с опаской глянул на дорогу: действительно, за забором

уже мигал яркий синий свет. Хлопнули двери машины. П слышались голоса, металлический скрежет и шипение рации. Если Декс не появится у окна прямо сейчас, он уже не успеет выбраться. Черт!

Я спрыгнул внутрь.

– Кинг? – рявкнул на меня Чен.

– Сматывайся, я помогу Дексу! – выпалил я.

Чен резко втянул воздух через нос.

– Ну что за бред. Декс – сын директора. Ему максимум подзатыльников надают, а мы с тобой так просто не отделаемся.

Огни фонариков заплясали по двору, и мы оба пригнулись. Осколки стекла хрустнули под моими ботинками. Декс все не появлялся, и у меня сердце сжалось от беспокойства. Что-то пошло не так.

– Декс – наш друг, – возразил я. – Я не могу бросить его в беде.

– Ну что ты за идеалист такой... Кинг? К...

Дальше слушать Чена я не стал, ринулся обратно к лестнице. На бегу достал свой мобильник и включил свет. Копы, скорее всего, войдут через главный вход. Если нам удастся выиграть несколько минут, то, может, получится вылезти через окно в туалете на втором этаже. Решеток там не было, запиралось окно изнутри. Я посмотрел в сторону входа. Перед дверями – металлоискатель, на котором нас каждое утро досматривают, рядом – стол и пустующий стул охранника.

Ладно, не ахти что, но лучше, чем ничего. Я подбежал к столу, уперся в него и подтолкнул к дверям.

Снаружи уже слышались голоса. Быстро ткнув большим пальцем, я выключил фонарь на мобильнике. В этот же миг над моей головой раздались шаги. Чего там Декс закопался? Я пулей помчался наверх и на последней ступени столкнулся со своим другом.

– Кинг, что...

– Тс-с, – прервал я его. – Копы уже здесь.

Я схватил его за воротник и потащил за собой по коридору. В следующее мгновение раздался грохот – это тяжелые входные двери ударились о стол. Голоса стали громче. Декс резко вдохнул.

– Что нам делать?

– План «Д».

– У нас нет плана «Д».

– Теперь есть. Бегом в туалет!

Декс кивнул. Мы развернулись и побежали по пустому коридору к туалетам. Я молился, чтобы они оказались не заперты. Декс первым нажал на дверную ручку, и, к моему безграничному облегчению, она поддалась. В следующее мгновение мы услышали голоса. Крики копов доносились уже из вестибюля. Мы быстро закрыли дверь, и Декс включил фонарик на своем мобильнике.

– Черт, мы в девчачьем туалете, – пробормотал Декс.

Несмотря на наше затруднительное положение, я одарил

его веселым взглядом.

– Разве это имеет значение?

– Прикинь, нас сцапают в девчачьем туалете? Это же позор.

– Мне бы твои проблемы, – фыркнул я.

Декс улыбнулся и принялся открывать старое раздвижное окно, но оно поддалось только на пару сантиметров. Поток холодного ветра коснулся моего лица. Декс тихо выругался.

– Заклинило. Что будем делать? Разобьем?

– Слишком громко. Дай я посмотрю, – сказал я.

Тут из-за двери послышался приглушенный голос:

– Минуту. Я тут проверю, а ты иди наверх.

Мы с Дексом в панике уставились друг на друга. Он молниеносно погасил свет, а я толкнул его в крайнюю у стены кабинку.

– Залезай!

– Подожди, черт возьми, нужно опустить крышку.

Лихорадочно, с бешено скачущим пульсом, мы запрыгнули на крышку унитаза, раскорячившись не хуже циркачей. Декс опирался об одну стенку, я – о другую. В следующее мгновение дверь распахнулась, и по комнате скользнул луч света. Я инстинктивно задержал дыхание. Декс, напротив, хрипло дышал мне в затылок. Влажно и горячо. Его волосы щекотали мне щеку.

Луч света блуждал по светлой плитке, и, видно, у меня что-то в мозгу перекалило, потому что я вдруг стал разду-

мывать о том, насколько приличнее девчачий туалет был по сравнению с нашим. Тут даже пахло чистотой.

В этот момент распахнулась дверь в одну из кабинок. Декс вздрогнул, и мы в ужасе переглянулись. Я уже стал прикидывать, не поверят ли нам копы, если мы им расскажем слезную историю о том, что на нас напала пара головорезов и заперла нас тут, но быстро отбросил эту мысль: слишком уж мы сами походили на этих головорезов. Следующая дверь громко стукнулась о перегородку. Я уже напрягся, приготовился бежать, как в следующее мгновение послышалось журчание, а следом – облегченный вздох. Мы с Дексом озадаченно посмотрели друг на друга. Неужели коп справлял нужду?

Раздался стон, и вскоре по девчачьему туалету басовитой трелью пролился громкий пердеж. Ситуация была настолько абсурдная, что Декс невольно рассмеялся. Он так дрожал, что мы чуть не грохнулись с крышки унитаза. Коп, между тем, довольно фыркнул и застегнул молнию. Его ботинки скрипнули по полу – он вышел из кабинки.

– Пусто! Ты что-нибудь нашла? – крикнул он

Дверь в туалет захлопнулась, и Декс с облегчением перевел дух.

– Он реально только что отлил в девчачьем туалете? – тихо спросил он.

– Да. И забыл смыть, – добавил я.

– И вымыть руки. – пробормотал Декс. – Вот свинья.

Мы переглянулись, и как только наши напряженные мыш-

цы расслабились, одновременно рассмеялись.

– Ну все, пошли отсюда, – засмеялся я и спрыгнул с крыши унитаз.

Декс последовал за мной, и, открывая дверь, я почувствовал, как близко он ко мне находится. Ситуация была, мягко говоря, дерьмовая, но присутствие Декса меня успокаивало: он был в пределах досягаемости, на него можно было посмотреть и убедиться, что с ним все в порядке. Я не успел и слова сказать, как Декс достал телефон и включил фонарик. Вот опять мы с ним вдвоем. Словно две шестеренки в плотном сцеплении. И так будет всегда. Мы выберемся отсюда. Главное не расслабляться преждевременно и не терять самообладания.

Я глубоко вздохнул, настраиваясь, и подошел к окну. Это было типичное раздвижное окно, какие встретишь в любом старом здании Нью-Йорка. Я осмотрел петли и рывком толкнул створку вверх, но она застряла на полпути – механизм заклинило. Декс, наверное, сместил в суматохе. Я попробовал еще раз, но тщетно. Ко всему прочему, деревянные рейки рамы разбухли – окном явно очень давно не пользовались.

Значит, попробуем по-другому. Я жестом попросил Декса, осветить мне сверху, осмотрел место, где заклинило, и изо всех сил потянул створку вниз, пока она с грохотом не рухнула, чуть не переломав мне при этом пальцы. Жгучая боль пронзила руку.

– Что случилось? – прошептал Декс.

Я судорожно сжимал свои пульсирующие болью пальцы. Двигаться они двигались, но откуда-то пошла кровь. Наверное, костяшки содрало.

– Все в порядке, давай, – скомандовал я и снова сунул свои ноющие пальцы под створку окна и стал поднимать ее вверх. На этот раз оно открылось полностью.

Мы с Дексом посмотрели вниз, на твердый серый бетон. Мы были всего лишь на втором этаже, но отсюда расстояние показалось каким-то слишком высоким. Но не непреодолимым. Декс вообще занимался легкой атлетикой и прекрасно умел прыгать, а я время от времени баловался паркурром – так что и для меня такой прыжок не был концом света. По крайней мере, группироваться я умел, а уж там синяком больше или синяком меньше – не так важно.

– Давай, Декс. Я тебе помогу, – пробормотал я.

Друг посмотрел на меня.

– Ты первый.

– Прыгай давай! – прикрикнул я.

Он поджал губы, а потом схватил меня за шею и на мгновение сильно прижался своим лбом к моему.

– Спасибо, – хрипло сказал он.

– В любое время, – ответил я.

Декстер отстранился от меня, закинул рюкзак на спину и полез наружу. Старое дерево скрипнуло, и он поскользнулся. Я схватил его за воротник и поддержал, пока он не восстановил равновесие. Декс повернулся ко мне лицом, схва-

тился рукой за карниз и перемахнул через окно. Его мышцы дрожали от напряжения, пока он нащупывал носком опору в стене дома. На всякий случай я продолжал его подстраховывать. Рама скрипела, но, к счастью, не ломалась.

– Есть. Отпускай, – глухо сказал он.

Я разжал руки, и он упал на асфальт. Сильно, но, вроде, не критично

– Все в порядке?

– Ногу подвернул. Пофиг. Идем, – отозвался он.

– Хорошо, – сказал я, но тут за моей спиной распахнулась дверь.

Дверная ручка, словно выстрел, грохнула о стену. Меня чуть инфаркт не хватил. Я резко обернулся.

– А ведь мне показалось, что я тут что-то слышала. Стоять, дружок! – крикнула полицейская.

Яркий свет ударил в глаза. Зрачки сузились так резко, что стало больно. Интересно, кто-то вообще слушается этих вот команд «стоять»? Что до меня, то я ухватился за карниз, готовясь к прыжку. Коп продолжала орать у меня за спиной. Я высунул одну ногу в окно, и тут меня схватили за спину, потащили назад и повалили на пол.

– Кинг! – крикнул Декс снизу.

– Беги! – проревел я в ответ, когда услышал, что еще один полицейский – не иначе наш недавний «отливатель» – ворвался в девчачий туалет.

– Один есть. Снаружи еще кто-то! – крикнула женщи-

на-коп.

«Отливатель» развернулся и выбежал вон. Моих запястий коснулся металлический холод наручников. Зачем? Ведь я не сопротивлялся. Но это Нью-Йорк, здесь давно ни с кем не церемонятся. Только я увидел отражение своего смуглого лица в светлых потрескавшихся плитках, как мое беспокойное дыхание его затуманило. Раздался щелчок – закрылись наручники. И мне вдруг так захотелось, чтобы мы правда просто взяли и пошли этим вечером посидеть в «Тако Белл».

Кингсли

Один плюс во всей этой ситуации все же был: тюремный ужин оказался не так скверен, как можно было предположить. Правда, находился я все-таки не в тюрьме, а всего лишь в полицейском участке. Сидел и уплетал бутерброды с Брэйди – детективом, который занимался моим делом. Не худший расклад. Хотя чувствовал я себя паршиво, почти как когда Мэйси Стэнфорд рассталась со мной. По Снапчату. То были черные времена.

Но этот вечер превзошел даже ту «бойню в Снапчате», как ее окрестил Декс. Я изо всех сил старался скрыть панику, но вся спина была мокрой от пота, мысли лихорадочно кружились в голове. При этом мой мозг, как всегда, творил странные вещи: мне казалось, будто вокруг меня все замедляется, и я вдруг начинаю замечать совершенно неважные детали,

как будто мой мозг, чтобы не перегореть к чертям, пытается думать о чем угодно, только не о насущной проблеме.

Детектив Брэйди записал мои личные данные и взял показания, которые я уместил всего в несколько строк. За шалость перед выпускным в тюрьму не сажают. А вот за проникновение со взломом – уже, к сожалению, да. Как и за разгромленный кабинет. Единственное, что спасло мою задницу – это мое несовершеннолетие. При условии, что мама оставит меня в живых. На что я не особо надеялся. Когда детектив Брэйди позвонил ей, ее крики были слышны всему участку. Так что вечер грозил как минимум позором, а в худшем случае – убийством. Вот же блин.

От одной этой мысли у меня вспотели ладони. В коричневой лысине Брэйди отражался потолочный светильник, и, кажется, даже я. На его рабочем столе стояла рамка с фотографией, на которой были изображены двое детей и женщина, чем-то похожая на Опру. А вот кольца на безымянном пальце у Брэйди не оказалось – только светлая полоска на темной коже. Развелись? Овдовел?

Еще у стола отсутствовал один уголок. Прямо рядом со мной. Как будто кто-то впился зубами и отгрыз кусок старого засаленного дерева. Под столешницей кто-то прилепил синюю жвачку; она вся высохла, затвердела. Теперь ее фиг отдерешь. Я знал это по опыту. Последние несколько лет, когда меня в качестве наказания оставляли после уроков, я в основном занимался тем, что соскабливал засохшие жвачки

со школьных парт.

Брэйди предпочитал карандаши с мягкостью 2Б, они красивым веером стояли в чашке с кадром из «Звездных войн». Оттуда же торчала и розовая шариковая ручка с единорогом. Брэйди широко улыбался. Наверное, хотел меня успокоить. Один из клыков у него был золотой. Если подвинусь немного в сторону, смогу ли в нем поймать свое отражение?

Да, смогу.

Со вздохом я откусил сэндвич. Хлеб клеился к зубам. Пожухлый лист салата скрутился в трубочку. Я сухо сглотнул, отложил бутерброд в сторону и закрыл воспаленные глаза. Только на мгновение. Со мной случилось худшее из того, что только можно себе вообразить, а я сидел и размышлял, отражаюсь ли я в золотом зубе полицейского...

Что надо было сделать, чтобы не оказаться тут? Что? Наверное, надо было лучше контролировать Декса. Хотя это не так уж легко сделать. Вообще надо было просто остаться дома. Вон, на «Нетфликсе» вышло несколько новых сериалов. Что-то про говорящих собак. Смотри – не хочу. Вместо этого я сидел в полицейском участке – одна рука прикована наручником к стулу, другая перемазана майонезом – и делал вид, что слушаю Брэйди, который вот уже битый час не закрывал рта и доставал меня своими разговорами. Кстати, не пора ли снова кивнуть? Я поднял голову и кивнул.

Брэйди удовлетворенно хмыкнул и взмахнул пальцами в воздухе.

– Ну, а потом шеф сказал, что меня повысят, только если я буду работать в патруле, как мой напарник Стивенс. Ну а какой мне патруль, если я по горло утопаю в бумагах? А Стивенс все сваливает на меня, сам радостно колесит по улицам, зарабатывает дополнительную копеечку, а я что? А я пишу сотый отчет об очередной стыренной сумочке «Гуччи».

Он замолчал и откусил сэндвич, а я, помешивая шариковой ручкой свой кофе, снова кивнул, как будто имел хоть какое-то представление, о чем он говорит.

– Звучит паршиво, – все же сказал я по-товарищески, и Брэйди, которого, если верить табличке на столе – на полном серьезе, – звали Брэдли Купером, погладил лысину и кивнул самому себе.

– Так и есть. Я же не прочь из кабинета вылезти, но только разгребу эту бумажную волокиту, уже конец смены. Тут ведь скука смертная. Вот сегодня кофеварка сломалась – все так переполошились, еще на месяц разговоров будет, – он хрипло рассмеялся.

Я улыбнулся и отхлебнул кофе – он и вправду оказался паршивым. Между тем стукнуло уже два часа ночи, и у меня ныла спина. Брэйди посмотрел на меня и, скрипнув своим креслом, наклонился вперед.

– Устал, мой мальчик?

– Длинный день, – честно ответил я, и Брэйди одобрительно хмыкнул.

– Зачем же ты такой ерундой занимаешься? Зачем школу

полез громить? Тебе повезло, что тебе еще семнадцать, иначе сидел бы не со мной, а в камере с остальными жуликами. Ты же умный парень. Так мне кажется, по крайней мере. Ради чего ты рискуешь своим будущим? Поверь мне, это того не стоит. Сделай себе одолжение, расскажи, кто еще с тобой был. Иначе все повесят на тебя одного, и наказание будет более суровым.

Я устало улыбулся. Брэйди мне нравился, но я прекрасно понимал, что он играет со мной в хорошего копа – пытается меня разговорить. Только я говорить все равно не буду. Ничто и никто в этом мире не заставит меня предать друзей. Пусть довольствуются моим лаконичным заявлением. Никаких доказательств у них нет. И даже если мама приедет, мои показания не изменятся. Хотя, если честно, ее реакции я боялся больше, чем реакции директора Джарвиса. Меня он, допустим, может вышвырнуть из школы, но с Дексом... Джарвис превратит жизнь своего сына в ад. Станет еще хуже, чем сейчас. Этого я никогда не допущу – ни за какое смягчение наказания. Аттестат об окончании средней школы был у меня практически в кармане. Даже если меня сейчас выгонят, это вовсе не означает, что с Колумбийским Университетом покончено. Все еще могло получиться: наш план и наша идеальная жизнь. Колумбийский Университет, съемная квартира с друзьями, учеба, свобода. Главное сейчас не сболтнуть лишнего.

Стараясь держаться более безмятежно, чем я себя ощу-

шал, я позволил Брэйди разглядывать себя. Доел свой сэндвич, вытер пальцы о салфетку и откинул голову назад, чтобы взглянуть на располагавшийся сзади коридор. Атмосфера в участке царила нервная: повсюду звенели телефоны, копы носились туда-сюда по коридорам, воняло кислым кофе и потом, а еще – моющим средством с ароматом лимона, которое, по-видимому, должно было эти запахи перебить. За столом наискосок, где, вероятно, рассматривались мелкие правонарушения, сидела расфуфыренная девица. Она выглядела измученной, но, когда наши взгляды встретились, весело подмигнула мне. Тушь у нее размазалась, а под правым глазом чернел сигнал. Даже думать не хотелось о том, откуда он взялся. Чтобы не видеть ее изможденное лицо, разбитые губы и суженные зрачки, я снова закрыл глаза. Они горели, как огонь. Черт, я устал как собака.

Кажется, я даже заснул ненадолго – снова поднять тяжелые веки меня заставил раздавшийся рядом шелест. Детектив Брэйди листал какой-то журнал. Типа проявлял уважением к моему личному пространству, хотя при этом не отодвинулся от меня ни на сантиметр. Газетенка называлась «Аристократы», а на обложке была изображена девушка, которая напомнила мне Белоснежку – тоже длинные волнистые черные волосы, светлая кожа и красные губы. Фотошоп сделал свое дело. Ни один человек не может быть настолько красив. Со съехавшей на бок короной она смотрела прямо в камеру из-под тяжелых ресниц. Внизу было подписано:

«Принцесса Новой Шотландии Эванджелина празднует свое 16-летие на следующей неделе, список ее гостей, наряд для мопса Сэра Генри и многое другое на странице 14».

К горлу подступила горечь. Я фыркнул от накатившего отворачивания. Детектив Брэйди посмотрел на меня поверх журнала и криво усмехнулся. Блеснул его золотой клык.

– Хорошенькая, правда? У дочки вся комната в ее постерах.

– Без понятия. Монархами не интересуюсь, – едва сдерживаясь, ответил я.

Брэйди удивленно глянул на меня – видно, мой тон показался ему слишком резким. Тут за дверью послышался громкий голос.

– Ты дурак или как?² – прокричал он по-испански. – Что значит, мне туда нельзя? Там, внутри, сидит мой мальчик, и никто не помешает мне забрать его домой! Немедленно!

Я резко выпрямился и повернул голову в сторону двери. Детектив Брэйди пожал плечами, глядя на меня.

– Это к тебе?

– Похоже на мою маму, – признал я не без гордости, услышав, как резво она наезжает на копов.

Брэйди вздохнул, встал со своего скрипучего стула и до-

² ¿Eres tonto o le tiras piedras a los aviones?

стал связку ключей.

– Так, я тебя сейчас отпущу. Только без глупостей, ясно? У меня был приятный вечер, и я бы хотел вернуться домой в хорошем настроении.

– Я буду паинькой, – пообещал я, с облегчением потирая запястья, чтобы немного восстановить кровообращение.

Костяшки пальцев на обеих руках распухли, кожа потрескалась, кровь уже запеклась, и теперь неприятно тянуло. Я резко поднялся и в шутку отсалютовал остальным копам:

– Дамы и господа, было очень приятно, но я искренне надеюсь, что мы больше никогда не увидимся, – сказал я и последовал за Брэйди ко входу в полицейский участок, где мама продолжала орать на полицейских.

Лишь когда дверь распахнулась, поток брани на испанском прекратился. Мама подняла на меня глаза, и наши взгляды встретились. Она выглядела усталой, на ней все еще был медицинский халат. Черные волосы падали на лицо. Такие же, как у меня, упрямые черты лица: изогнутые брови и длинный прямой нос. А вот светло-карие глаза достались мне от отца. Мама всегда звала их на испанском «медовый звездный свет» – «miely luz de las estrellas», с задумчивым видом убирая прядь волос с моего лица.

– *Сынок*³! – вскрикнула она и ринулась ко мне мимо ошарашенных копов, притянула меня к себе и крепко обняла.

А я был по меньшей мере на голову выше ее.

³ Niño

– Привет, мам, – буркнул я, вдыхая ее знакомый запах – моющее средство и шалфей, – и крепко прижал ее к себе.

Я знал, что любить маму не круто, но все равно ее любил. Она у меня шумная, взрывная, вечно матерится на испанском. А еще она – моя крепость... По воскресеньям мы делали кесадильи, по четвергам вместе смотрели «Холостяка», а на мой четырнадцатый день рождения она подарила мне пачку презервативов и косяк. Причем сама же его и выкурила, пока вела со мной просветительскую беседу на тему второй части своего подарка. Это был первый и пока что единственный раз, когда я видел, как мама курит, и последний вечер в моей жизни, когда я хотя бы подумать мог о том, чтобы не воспользоваться презервативом. Мама у меня громкая, надежная и, как по мне, просто идеальная. Увидел ее, и у меня сразу отлегло от сердца.

– Как ты, *мальши*⁴? – спросила она, убирая выбившуюся прядь волос с моего лба, мельком проверяя при этом мои зрачки.

Не обнаружив ничего, кроме темных кругов у меня под глазами, она заметно расслабилась.

– Я в порядке, – успокоил я.

Мама вздохнула, отстранилась от меня и в следующую секунду схватила меня за ухо и закричала по-испански:

– *Ну какой же ты балбес!* Я тебе такую затрещину дам, ты

*у меня улетит!*⁵ – закричала она на испанском. – Что это за бес в тебя вселился? С каких это пор мне звонят из полиции, дескать, мой сын громит свою школу, и просят приехать забрать его из участка? Ты меня до инфаркта хочешь довести?

– Ну, мам! – запротестовала я, заметив краем глаза, что копы начинают посмеиваться.

Наконец, детектив Брэйди пришел мне на помощь: шагнул вперед и остановил мою маму, когда она как раз начала грозиться, что отшлепает меня на глазах у собравшихся.

– Извините, миссис Старр. Вот его вещи. Здесь все, что было у него в карманах.

Воспользовавшись короткой паузой в мамином крике, он протянул ей прозрачный пакет с моими вещами. Мама молча уставилась на него и поджала губы, а потом, с видимым усилием успокоившись, отпустила меня.

– Большое спасибо, офицер. Надеюсь, Кингсли вел себя прилично.

Она бросила на меня суровый взгляд. Я принялся массировать горящее ухо – оно так пульсировало, что, казалось, вот-вот отвалится. Детектив Брэйди добродушно улыбнулся моей маме.

– Не волнуйтесь, миссис Старр. Ну, оступился парень. С кем не бывает. Может, ему стоит уехать из города, побегать на свежем воздухе. В этом возрасте кровь у них кипит. Ему нужно направить энергию в правильное русло.

⁵ ¡Peinabombillas! ¡Te voy a dar una hostia que te vas morir de hambre en el aire!

Я едва удержался, чтобы не закатить глаза. Побегать на свежем воздухе? Все-таки я не собака. Правда взгляд, которым меня одарила мама, практически заставил меня поджать хвост.

– Спасибо, офицер, выводы будут сделаны.

Казалось, Брэйди хотел еще что-то добавить, но в конце концов просто попрощался с нами. Мама схватила меня за руку и потащила из участка. Она шла с такой скоростью, словно хотела как можно скорее убежать от учиненных мной неприятностей.

Снаружи моросило. Неужели это все та же ночь? Мне казалось, я проторчал в этом участке полжизни. Где-то в нескольких кварталах завывала сирена, и мимо нас пронеслась машина, щедро окатив нас брызгами. Мама подгоняла меня к нашему старому шевроле.

– Давай я... – предложил я и потянулся за ключами от машины, которые она дрожащей рукой достала из сумочки.

Но убийственный взгляд, которым она меня одарила, заставил меня замолчать. Подбородком она указала на пассажирское сиденье.

– Залезай, садись и пристегивайся.

Я прекрасно знал, когда реально пора заткнуться, а поэтому молча залез в машину, сел и пристегнулся. Ремень безопасности врезался мне в горло. Мама села на водительское сиденье и так сильно хлопнула дверью, что застучали висевшие на зеркале заднего вида четки. Она яростно вон-

зила ключ в замок зажигания, но, вопреки моим ожиданиям, не тронулась с места, а просто обхватила руль и не моргая уставилась на улицу. Дождь усилился и все громче стучал по стеклу. Капли лопались, как перезрелые фрукты, и как слезы стекали вниз. Неподалеку мигал рекламный щит, освещая салон нашего шевроле желтым, розовым и синим. Я с трудом сглотнул, движение неприятно царапнуло в горле.

– Мам... – начал я, но она только подняла руку, прерывая этим жестом мою речь.

– Не сейчас, hijo⁶. Я думаю.

– Хорошо. Прости меня...

– Не надо! Ведь ты не пачку печенья стащил, – прошипела она.

– Хорошо, – мягко согласился я.

Я откинулся на спинку сиденья, засунул руки в карманы толстовки и стал ждать, когда она будет готова заговорить со мной. Все время в участке я думал о том, что ей скажу, прокрутил десятки вариантов, пытаюсь найти оправдание или хотя бы хорошее объяснение. Но у меня их не было. За исключением того, что я не хотел подставлять Декса и Чена. Но маму это явно не убедило бы.

Наконец, она громко выдохнула, словно приняв для себя решение, и моргнула. Слава богу! А то мне уже стало не по себе. Она медленно повернулась ко мне. Длинная прядь волос выпала из прически ей на лицо, но она не потрудилась ее

⁶ С исп. «сын» (Прим. ред.)

убрать. Мама безмолвно смотрела на меня, и разочарование в ее взгляде было хуже, чем за последние два часа в участке.

– Мам... – снова начал я, но она не дала мне договорить.

– Не надо.

Голос ее прозвучал не громко, но она произнесла эти два слова с такой твердостью, что сразу стало ясно: она изо всех сил старается не закричать. Хотя как по мне, лучше бы она заорала. У меня шумная мама, громкая, что бы она ни делала. Она громко веселилась, громко грустила, громко злилась и даже громко спала. Поэтому ее тихий голос был хуже любого крика.

– Ты меня разочаровал, Кингсли, – сказала она. – Я тебя так не воспитывала. Твоя *abuela*⁷ в гробу бы перевернулась, если б узнала, что сегодня мне пришлось забирать ее внука из полицейского участка. И я честно не знаю, что мне в этой ситуации делать.

В ее глазах блестели слезы. То ли из-за меня, то ли из-за *бабушки* – не знаю. Наверное, из-за нас обоих. Бабушка умерла полгода назад, и, хотя мама, сколько я себя помню, по несколько раз на дню желала ей отправиться на тот свет, бабушкина смерть стала для нас серьезным ударом. В нашей квартире до сих пор пахло ее духами. Иногда я возвращался из школы и, открывая дверь, так и ждал, что увижу ее на диване: сидит себе, вяжет, пыхтит своими сигаретами, а из телека орет очередная теленовелла. Но теперь телевизор по-

⁷ С исп. «бабушка» (Прим. ред.)

малкивал, а диван сиротливо стоял напротив. Так мы с мамой стали каждую субботу в одиннадцать часов смотреть любимую бабушкину мыльную оперу. Правда, завтра эта традиция, наверное, умрет, потому что мама посадит меня под домашний арест, и я света белого не увижу до самого окончания школы.

– Директор Джарвис мне тоже позвонил, – продолжила мама, вытирая лицо и размазывая тушь под глазами. У меня внутри все сжалось.

– И? – спросил я хрипло.

– И? А ты как думаешь! – ее голос начал набирать громкость. – Тебя, сынок, исключили из школы. А еще нас ждет иск на возмещение ущерба! Я сначала подумала, что это какая-то шутка. Ну с чего ты будешь устраивать в школе дебош? А потом он рассказал мне про граффити. Как ты мог? *Quiéres romper mi corazón?*⁸ Я попыталась ему объяснить, что ты на такое не способен. Кингсли, пожалуйста, скажи мне, что ты не сам это затеял. Что ты не мог! Только не ты, золотко мое.

Она уставилась на меня, и я почувствовал жжение в горле. Что я мог на это ответить? Я люблю свою маму, могу доверить ей все на свете, а главное, она знает меня. Знает Декса. Она понимала, что здесь не обошлось без Декса и Чена. Но если я скажу это вслух, она тут же отправится с этой информацией к Джарвису. Если еще не сделала этого. Мама обыч-

⁸ С исп. «Ты хочешь разбить мне сердце?» (Прим. ред.)

но слушала свою интуицию и всегда все говорила в лоб. Я мог себе представить, как она все выкладывает Джарвису. Но Декса не поймали. Полиция тоже ничего не знает. Значит, никаких реальных доказательств ни у кого нет. И мне не хотелось это менять. Я ни за что не сдам друзей, а вот мама – для того, чтобы защитить меня – легко бы это сделала.

– Мам... Прости меня, – выдавил я и отвернулся, но мама нежно удержала меня за подбородок.

– Кингсли, посмотри на меня. Посмотри мне в глаза и расскажи, что произошло. Иначе я не смогу тебе помочь. Я знаю, что твои друзья много значат для тебя. Я знаю, что Декс для тебя как брат, и знаю, что ему тяжело, но не отказывайся от своего будущего ради него. Ты должен дать показания, а потом договоримся с директором Джарвисом. Даже если он тебя не примет обратно, может, хотя бы обойдется без суда. А если Колумбийский Университет отзовет приглашение? Все-таки уголовное обвинение – это не шутка.

Я молча смотрел ей в глаза. Ее пульс колотился так, что я чувствовал его биение в ее пальцах на своем подбородке. Внезапно мне показалось, будто я падаю. Будущее пронеслось у меня перед глазами: Колумбийский Университет, учеба в академии искусств, съемная квартира с Дексом и Ченом – в этот момент все это, словно песок, сыпалось сквозь мои пальцы, и я не знал, как это остановить.

– Я не могу, мам, – прошептал я. – Ты знаешь, как Джарвис относится к Дексу. Ты знаешь, как ему тяжело. Я не могу

его так подставить. Да ведь и не только он виноват. Я тоже там был, мог его остановить, но не сделал этого. И граффити нарисовал я. Я виноват не меньше, и если отвечать за это придется мне, то так тому и быть.

– Ты ставишь крест на своем будущем! Ты потеряешь все. Даже если «Колумбия» не исключит тебя, все, что мы скопили тебе на учебу, пойдет на судебный процесс. Оплачивать институт будет нечем! – прокричала она, и я вдруг испытал такое облегчение от того, что она наконец-то кричит на меня, что остался совершенно спокойным.

Убрал со своего подбородка ее руку и нежно сжал ее.

– Мам, что бы сейчас ни случилось, я теряю гораздо меньше, чем потерял бы Декс. У меня есть ты, и, если «Колумбия» меня не возьмет, или у нас не хватит денег, я просто поступлю в другой университет, возьму кредит, устраюсь работать и буду потихоньку выплачивать. Я справлюсь. А Декс – нет. И ты это знаешь. Поверь мне, я понимаю, о чем ты говоришь, и знаю, чего ты хочешь от меня, но я не могу этого сделать. Я... Прости меня.

В конце мой голос сорвался, когда я увидел, что из маминых глаз, мерцая в разноцветном свете рекламного щита, покатались слезы. Дождь барабанил по крыше машины, как будто небо плакало вместе с ней.

– Мой глупый, упрямый, гордый, преданный мальчик, – хрипло проговорила она. Уголки моего рта дернулись. Я пытался изобразить улыбку, а выдавил, наверное, гримасу. –

Это твоё последнее слово?

Я глубоко вздохнул и кивнул. Она сделала то же самое и вытерла слезы.

– Я уважаю твоё решение, сын⁹, но я твоё мама и сделаю всё возможное, чтобы защитить тебя. Даже от себя самого.

Я нахмурился и заерзал на сиденьи.

– Посадишь меня под домашний арест до конца моих дней?

– Нет. Отправлю тебя в Канаду к твоему отцу.

– Что?

Я так резко выпрямился, что меня чуть не задушил ремень безопасности. Я тут же откинулся назад, ошеломленно глядя на маму. Она упрямо вздернула подбородок и поправила причёску, искоса наблюдая за мной.

– Пока ехала сюда после разговора с директором Джарвисом, думала всю дорогу. Ты слишком много времени проводишь в этом городе. Твои друзья на тебя плохо влияют. Тебе нужно сменить обстановку. Если ты не станешь давать показания, у нас в любом случае будут связаны руки, пока не выяснится, что там с судом и с «Колумбией». Но я точно не позволю тебе сидеть дома и пялиться в потолок. Лучше поедешь к отцу. Я позвоню ему сегодня. Он наверняка будет рад тебя видеть, и поездка пойдет тебе на пользу.

– Ты... Ты ведь это не серьёзно! Ты не можешь меня выслать, мам. Да ещё и в Канаду. У них там одни медведи и

⁹ hijo

снег!

– Значит, купим тебе пару теплых сапог, – сухо сказала она, завела мотор и поехала.

Кингсли

Уставившись в потолок своей комнаты, я подбросил теннисный мяч. Хитрость заключалась в том, чтобы найти идеальный угол, под которым мяч отскочил бы сначала от потолка, затем от стены, а затем от пола и по идеальной дуге обратно мне в руку. Я уже столько раз это сделал, что в штукатуренном потолке на этом месте образовалась вмятина.

Будильник показывал 04:30 утра. Мои глаза горели. Но спать я не мог. Рядом на столике стояла кружка из-под какао. На кромке остались коричневые разводы, а на языке я все еще ощущал его сладость.

Из-за стены доносился мамин голос. Она говорила по телефону с моим отцом, и, как это всегда бывало, по отношению к нему ее голос звучал одновременно сердито и ласково.

Па-дам. Мяч отскочил от потолка – от стены – на пол, и я снова ловко поймал его. С развода моих родителей прошло чуть меньше десяти лет. Я почти ничего не помню из того времени, когда папа жил с нами. Только его широкую улыбку и сильные руки, которыми он подхватывал меня, словно перышко. А потом он уехал, вернулся в Канаду. Мой отец был канадцем. Инуитом, если быть точнее. От него я унаследо-

вал большие глаза и оливковый тон кожи, низкий голос и... пожалуй, на этом и все. С мамой они познакомились, когда она приехала отдыхать в это королевское захолустье под названием Новая Шотландия. А я – сувенир из этого отпуска. Как говорила мама, лучший в ее жизни подарок, какими бы трудными ни оказались последующие восемь лет их брака. Мое появление стоило ей всех невзгод.

Вообще, я не считаю отца злодеем. Просто они с мамой не подходили друг другу. Он страдал в Нью-Йорке. Я это знал. Всякий раз, когда он, глядя в окошко нашей маленькой кухоньки, принимался рассказывать о заснеженных горах и чистом канадском воздухе, глаза его заволакивала тоска.

Сам я был в Канаде всего один раз, еще совсем мелким. От поездки осталась только фотография, которая стояла рядом с моей кроватью. Мама, папа и я – три лилипута на фоне огромной горы. Что это за гора, я не знал. Да меня это и не особо интересовало. Потому что ведь если мой отец не конченный отоморозок, как директор Джарвис, то его отсутствие можно объяснить только тем, что нас с мамой ему оказалось недостаточно. Он бросил нас ради Канады. Оставить нас ему было легче, чем свою дурацкую страну. Так что Канаду я с тех пор терпеть не могу. Как выдохшуюся колу. Возможно, это по-детски. Но я ненавижу эту страну, ненавижу отца, который любит этот снег и эти горы больше, чем меня. Я просто поверить не мог, что мама всерьез намеревается меня туда отослать.

Па-дам. Мяч отскочил от стены и снова оказался у меня в руке. Мамин голос снова звучал громче. Я снова бросил мяч.

Па-дам. И ловко поймал его снова. Ярко-салатовый войлок цеплялся за мои ногти. Я повертел мяч между пальцами и на мгновение закрыл глаза. Сколько времени прошло с тех пор, как я в последний раз видел отца? Минимум шесть лет. Правда, за это время он несколько раз приглашал меня в гости, но я всегда отказывался.

Па-дам. Мяч косо отскочил от потолка и ударился о закрытое окно. Я вздрогнул и сел, но стекло, похоже, не повредилось. К счастью. Усталый, я поднялся с кровати, чтобы поднять мяч, и тут боковым зрением увидел какое-то движение. Я застыл на месте. Поднял голову. Мой взгляд упал на пожарную лестницу. Там на корточках сидела темная тень. Тут же она подалась вперед и постучала в окно.

– Черт! – вскрикнул я от испуга и отпрянул назад. – Что за... Декс? – прошептал я, узнав в тени своего друга.

Я уронил мяч и открыл окно. В комнату тут же ворвался шум улицы, а вместе с ним запах мексиканской забегаловки в доме напротив, смешанный с влажностью только что обрушившегося на город дождя.

– Привет, Кинг, – пробормотал Декс.

Он до сих пор не переоделся. Низко натянув капюшон на лоб, он скользнул в мою комнату. Мой взгляд нервно метнулся к двери, но я слышал, что мама еще разговаривает по телефону. Ее акцент становился все более выраженным. А

это означало, что она либо была пьяна, либо разговор перерос в ссору. В любом случае, вряд ли она сейчас ворвется ко мне в комнату. И все равно я знаком велел Дексу молчать и подпер дверную ручку стулом. Ключей давно уже не было. В принципе меня это не напрягало, но если мама застучает тут Декса, то, вероятно, вышвырнет его в окно головой вниз.

Декс неподвижно стоял у окна. Дождевая вода стекала с рамы на пол и на его ботинки.

– Ты в порядке? – наконец спросил Декс, когда я прошел мимо него, чтобы закрыть окно.

Я застыл в движении и повернул голову.

– А ты как думаешь? – ответил я и захлопнул окно. Получилось громче, чем я планировал. Декс вздрогнул. – Я два часа проторчал в участке. Джарвис вышвырнул меня из школы, а накопленные на учебу деньги теперь пойдут на суд. Я злюсь, я устал, а еще мама отправляет меня в Канаду к отцу. Так что давай, спроси меня еще разок, чтобы я тебе поточнее ответил.

Я в ярости уставился на своего друга. Декс вскинул голову.

– Куда она тебя отправляет? – ошеломленно спросил он.

Свет потолочного светильника выхватил его лицо из-под темноты капюшона, и тут я увидел его лицо. Вдоль скулы тянулись лилово-красные пятна, посередине нижней губы темнел длинный, свежий на вид разрез. Я резко втянул воздух.

– Что, черт возьми, произошло?

– Ерунда.

Декс попытался отвернуться, но я схватил его за капюшон и заставил посмотреть мне в лицо.

– Черт возьми, Декс, это твой отец сделал? – спросил я.

Декс уставился на меня. Он дрожал. Только сейчас я заметил, что он весь мокрый.

– Это ничего. Могло быть гораздо хуже. Он... Я... В полиции сказали, что ты взял всю вину на себя, – пробормотал он. – Черт возьми, Кинг, ты спас мою задницу. Я думал, он меня изобьет до полусмерти, а он заорал, что сил его больше нет и он отправляет меня в Англию, в школу-интернат.

Я недоверчиво посмотрел на него.

– Ты должен... – начал я, но Декс остановил меня темным, как ночь за окном, взглядом.

– Не надо, – хрипло сказал он. – Пожалуйста, не говори, что я должен накатать заявление на своего старика.

– Но это реально надо сделать, – глухо повторил я.

Декс поджал губы и явно не торопился отвечать, поэтому я сменил тему:

– Так что, отец высылает тебя за океан? – спросил я.

Я не знал, хорошо это или плохо. Как будто и плохо, и хорошо одновременно. Декс вздохнул и прислонился к окну, сунул руки глубоко в карманы. Тень от капюшона делила его лицо четко посередине.

– Ты ведь знаешь, что у моей мамы есть какой-то дурацкий титул?

Сбитый с толку сменой темы, я уставился на своего друга.

– Хм... Нет, не знаю. Какое это имеет отношение к школе-интернату?

Поджав губы, Декс поднял глаза.

– Отец не раз мне угрожал. Я просто не думал, что он реально на это пойдет. Но вот пошел. А в этот интернат, походу, принимают только с дворянским титулом. И у меня он есть, так что...

Декс пожал плечами.

– ...отец отправляет тебя в Англию, – заключил я.

– У него нет доказательств, что кабинет разнес я. И все равно он меня отправляет.

– А как же Колумбия?

– Исключено. Он считает, что в британском колледже из меня сделают человека... – Горькая улыбка появилась на его губах. – Черт возьми, Кинг, прости меня. Я не хотел этого.

– Знаю, – тихо ответил я.

– Надо было просто пойти посидеть в «Тако Белл».

– Надо было.

Я с досадой стащил с пучка резинку, и черная масса волос свалилась мне на плечи.

– Ты надолго в Канаду? – тихо спросил Декс.

Я пожал плечами.

– Думаю, на несколько недель. Мама хочет, чтобы я пересмотрел свои приоритеты. Узнал, кто я такой, без... – Я осекся, но Декс понимающе скривил губы:

– ...без меня? – догадался он.

Я промолчал – и так все было ясно. Ведь я и в самом деле понятия не имел, кто я без Декса. У меня было такое чувство, будто от меня отрезают часть, и я не знал, что буду делать, когда Декс вылезет из моего окна и оставит меня одного.

Декс шумно втянул носом воздух и оттолкнулся от окна.

– У меня для тебя кое-что есть.

Он залез в задний карман джинсов и бросил мне что-то, похожее на плоское цветное пластиковое яйцо.

– Ты отдаешь мне свой задрипанный тамагочи? – Я поднял голубое с желтым электронное яйцо. – Эй, Декс, кажется, твое животное умерло, – сказал я, и Декс закатил глаза.

– Храни его у себя, ладно?

– Почему?

– Потому.

– Это самый тупой прощальный подарок, – сказал я, хотя в душе так не считал.

Декс только рассмеялся, открыл окно и вылез наружу. Снова хлынул дождь. Мой лучший друг гибко повернулся на корточках и склонил голову.

– Я уговорю отца не подавать иск.

– Декс... Не надо.

– А вот и надо. Я тебе должен. Чего бы мне это ни стоило, иск он не подаст. Мы... Мы увидимся, Кинг, – хрипло сказал он.

У меня в горле вдруг появился комок, поэтому я просто молча кивнул. В следующее мгновение Декс исчез. И я остался один.

Ева

Новая Шотландия, Канада

– Спасибо, что нашли сегодня время для Teen Weekly и приехали к нам в студию, принцесса Эванджелина. Наши зрительницы очень хотят узнать подробности о вашей жизни во дворце и, самое главное, о вашем предстоящем дне рождения.

– Спасибо, что позвали. Я очень рада быть здесь, и, пожалуйста, зовите меня Евой. Все так делают, – ответила я, поправляя свой синий костюм для верховой езды.

Честно говоря, понятия не имею, для чего на меня нацепили этот костюм – видимо, чтобы у зрителей создалось впечатление, что я, как истинная принцесса, прямо из дворца прискакала в студию на своем белом пони. Хотя бы сегодня передача шла не в прямом эфире, а то в прошлый раз я чихнула прямо во время трансляции, и гифка с моим чихом еще три месяца пестрела во всех уголках интернета.

Ведущая широко улыбнулась мне. На нас было направлено штук десять камер и в два раза больше софитов. Она достала свои заготовленные карточки с вопросами. Зачем –

ума не приложу, ведь ее текст шел один к одному на теле-супфлере, его только зачитать оставалось. Может, хотела вы-глядеть посерьезнее, пытаюсь вытащить из меня пару-тройку скандалов. Что ж, пусть попробует.

Эмили – наша пресс-секретарь – заранее согласовала спи-сок вопросов и заставила меня заучить ответы наизусть. Бо-ковым зрением я видела ее белокурые, собранные вверх во-лосы. Она стояла прямо на кромке декораций и наблюдала своим орлиным взором за ходом интервью. Рядом с ней сто-ял мой телохранитель Закари, мой кузен Прескот и его по-друга Сильвер. Эти двое будут давать интервью сразу после меня. Причем Сильвер выглядела так, будто с куда большим удовольствием пустилась бы в беседу с Закари, чем стала бы в прямом эфире отвечать на вопросы о своей личной жизни с принцем Новой Шотландии.

– Отлично, Ева, – вырвала меня из мыслей ведущая. – Ее длинные искусственные ногти стучали по спинке стула. – Да-вайте начнем с того, что введем наших телезрительниц в кур-се дела: прошло ровно полгода с тех пор, как ее величество Роуз Блумсбери взошла на престол. Королевская семья пе-режила захватывающее и, безусловно, насыщенное события-ми время. Как вы себя чувствуете?

Я откинула назад волнистые волосы и изобразила широ-кую улыбку.

– У меня все отлично. Весь прошлый год, кроме Рожде-ства, я пробыла в Великобритании, так что я особенно на-

слаждаюсь началом летних каникул. Я очень скучала по своей семье.

В яблочко! Что это, если не образцовый ответ? Я торжественно покосилась на Эмили, которая почему-то все еще выглядела, как закипающий чайник. Хотя бы Скотти с энтузиазмом поднял вверх большой палец. Сильвер зевнула.

– В Великобритании вы учитесь в элитной школе-интернате, «Бертон Агнес Холл», верно?

Я кивнула, и она продолжила:

– «Бертон Агнес Холл» – это престижная школа, двери которой открыты только для тех, кто обладает дворянским титулом. Там же учились ваши бабушки и дедушки, ваш отец, ваша мать и двоюродный брат. Как выглядит ваш обычный день в «Бертоне»? И вообще каково это – быть так далеко от дома?

– Думаю, вы представляете жизнь в британской школе-интернате гораздо более захватывающей, чем она есть на самом деле. В реальности там такие же точно занятия, как и здесь, в Канаде. Единственное отличие заключается в том, что вы спите на территории школы, а ближайшая цивилизация с работающим интернетом находится в тридцати километрах. Хочешь не хочешь, затоскуешь по дому. Так что я счастлива снова быть в Канаде. Здесь жизнь бьет ключом! – пошутила я, и ведущая – исключительно из вежливости – неискренне рассмеялась.

Я тоже засмеялась, и так мы несколько секунд позалива-

лись фальшивым смехом. Вдруг в ее глазах промелькнуло хищное выражение, и стук ее ногтей ускорился.

– Ну и, конечно, нас всех очень интересует, – начала она, – остался ли у вас в Англии друг, который с нетерпением ждет вашего возвращения? Вся Канада только и мечтает узнать: влюблена ли принцесса Ева?

Мой смех немного стих, и я покосилась на Эмили. Она строго глянула в ответ. Хорошо, далее по тексту.

– Нет, у меня нет друга. Ни в Англии, ни здесь, в Канаде. Я еще не встретила своего принца.

Вот тебе и ответ. Уголки ее рта едва заметно опустились. Дальше она копать не будет.

– Возможно, этот принц поцелует вас на балу по случаю вашего дня рождения? На празднике, о котором говорит весь мир. Там будут все, кто имеет титул и имя. По шкале от одного до десяти – насколько вам уже не терпится, чтобы этот день настал?

– На все сто! – выкрикнула я ответ, который все от меня ждали.

Эмили как будто слегка расслабилась. Прескот набирал что-то в своем телефоне. Сильвер снова зевнула.

Ведущая восторженно кивнула.

– Можете рассказать нам подробности? – спросила она. – Ходит много слухов о возможной помолвке...

Впервые с начала интервью ее взгляд на миллисекунду метнулся на моего кузена. Тот резко перестал печатать.

Сильвер подавила зевок. Эмили нахмурилась. Этот вопрос следовало задать Прескоту и Сильвер, но уж никак не мне. После недолгих колебаний я изобразила лучезарную улыбку и снова привлекла внимание ведущей к себе.

– Платье для меня смоделировал Джозеф Рибкофф. Оно получилось потрясающее, темно-синее, цвета полуночного неба. Его назовут в мою честь. Потом модель поступит в продажу, но в ограниченном количестве. И поскольку это мой день, я, конечно, надеюсь получить еще много подарков. Однако с семейными сюрпризами мы пока предпочитаем повременить. По крайней мере, до тех пор, пока Новая Шотландия не оправится от прошлогодних волнений, – ответила я, спасши тем самым своего кузена от дальнейших расспросов.

Вот уже полгода, как в прессе не иссякали две темы: споры о законности восшествия моей бабушки на престол и жажда увидеть королевскую свадьбу. Но Сильвер уже объявила, что, если Прескот сделает ей предложение, она столкнет его с горы Логан и обставит все как несчастный случай, и что принцессой она станет только через его труп. Мы вполне верили в серьезность ее угроз, так что прессе долгонько бы пришлось ждать их королевской свадьбы. Значит, остаюсь только я. Прекрасно. Никакого повода для паники.

– Да, прошлогодние волнения, – повторила ведущая сказанные мною слова, и что-то в ее взгляде мне не понравилось. Как будто она прикидывала что-то в уме. Она пода-

лась вперед, и я невольно напряглась. Приглушенным голо- сом она продолжила давить на меня: – Вся страна, мы все, затаив дыхание, ждали ответа на главный вопрос: кто же уна- следует трон? Ваш отец, Оскар Блумсбери, или ваш дядя, Филипп Блумсбери? Ваша бабушка положила конец этому спору и взошла на трон сама, но мнение жителей Новой Шот- ландии разделилось. Ее Высочество Роуз уже не так молода, и ходят слухи, что она хочет превратить королевство в чисто представительскую монархию. Людей это беспокоит, многие требуют, чтобы на трон вернулся ваш отец, Оскар. Как вы полагаете, могут эти настроения привести к беспорядкам на празднике?

Мы все застыли. Вообще-то по плану следовал невинный вопрос о родословной моего мопса, Сэра Генри. Эмили вмеша- лась мгновенно:

– Она не будет отвечать на этот вопрос... – начала она, но я остановила ее, скрестив лодыжки, выгнув спину и холодно посмотрев на ведущую.

– Разногласия в народе абсолютно понятны. Дом Блумс- бери сделает все возможное, чтобы вернуть доверие людей. Этой цели в равной степени преданы и мой отец, и мой дя- дя, принц Филипп, и сама королева. Безопасность гостей на вечеринке по случаю моего дня рождения гарантирована, но я верю в Новую Шотландию и в ее жителей. Я уверена, что это празднование станет для нас новым началом, а также возможностью для нашей семьи продемонстрировать свою

сплоченность.

Повисла пауза. Ведущая уставилась на меня, а я мысленно показала ей средний палец. Получай, милочка. Я знала, что вся страна считает меня глупой куклой, и почти наверняка в эфир попадут только те моменты, где я несу всякую легковесную чушь, но это – пусть и недолго державшееся – совершенно растерянное выражение на ее лице стоило мучительных уроков риторики у Эмили.

Ведущая откашлялась и внимательно посмотрела на меня. Вид у нее был такой, словно за ее следующий вопрос ей либо свернут шею, либо дадут повышение. Она улыбнулась. Эмили закачала головой. Ведущая выпрямила спину, будто готовясь к хищному броску.

– Принцесса Ева. Позвольте задать вам вопрос о фракции «Ешь богатых».

На экране позади нее появилось изображение – фотография граффити. Черная корона с тремя зубцами, заключенная в круг и перечеркнутая ярко-красной краской. Краску, должно быть, наносили впопыхах – виднелись потеки, как от размазанной туши. Ниже заглавными буквами было написано: «ЕШЬ БОГАТЫХ». Особым изяществом картинка не отличалась, но все же у меня по коже побежали мурашки. Я напряглась и продолжила молчать. Эмили все более яростно мотала головой, но ведущая, напрочь позабыв о своих карточках, принялась с такой скоростью сыпать вопросами, что я с трудом успевала за ней.

– Ведь вы наверняка уже слышали об этой организации, которая последнее время буквально не сходит с заголовков газет. Это группа протестующих, которые называют себя – в первую очередь – радикальными борцами за права человека. Коррупция в политике, корпорации, которые держат мир мертвой хваткой – и никто ничего не пытается изменить. Борьба членов вашей семьи за трон – лишь частный пример того, как конфликт между современностью и традицией может разделить людей. И эта группа радикалов считает, что обязана вмешаться. Если придется, даже насильственным путем. Мы до сих пор не знаем, сколько членов насчитывает эта организация, не знаем, кто является их лидером. О них особенно много говорят в Америке: там их взгляды становятся все более радикальными, акции – все более заметными, а число последователей неуклонно растет. Последняя нашумевшая акция – это штурм Уолл-стрит, на три дня парализовавший работу биржи. Большой удар по финансовому миру. Группировка открыто выступает против монархии и ее сторонников и обещала устроить переворот, если монархи не откажутся от старых традиций. Готов ли канадский королевский дом сделать заявление по этому поводу? Вы беспокоитесь о том, что может произойти, если «Ешь богатых»...

– Кажется, наше время истекло. Мне было очень приятно, – сказала я мягко, но решительно и, резко оборвав ее, поднялась на ноги.

Ведущая вздрогнула. Ее взгляд метнулся к часам. Никакое время у нас не истекло – оставалось чуть меньше двадцати минут, но все-таки она подыграла. Иногда быть принцессой чертовски удобно.

– Конечно, – сказала она и снова улыбнулась мне искренней, профессиональной улыбкой. – Как летит время! Спасибо, что заглянули к нам, принцесса. Желаем вам всего наилучшего в ваш день!

Я коротко кивнула, развернулась и пошла к кузену и Сильвер. Победоносно откинув назад волосы, я широко улыбнулась.

– Ну, что скажете? Вот что я называю королевской победой! Я была хороша или лучше всех?

Эмили почему-то до сих пор выглядела напуганной и расстроенной. Я же пошутила! Прескот откашлялся.

– Ты отлично справилась, Ева. Я почти впечатлен.

– Спасибо. Почему только почти?

– Потому что ты все еще подключена, и камера работает.

Упс.

Я застыла и обернулась: ведущая действительно, поджав губы, наблюдала за нами. Кто-то объявил, что после короткого перерыва они продолжат. Эмили сразу же направилась к ведущей – наверное, вставит ей под первое число за то, что та отклонилась от заготовленного сценария. Уж точно разговор о радикальных протестных группировках не входил в мой план. Я стала доставать провод, снимать микрофон. Прескот

поправил галстук; почему-то именно галстук выдавал в нем баловня, рожденного с серебряной ложкой во рту. Сильвер выплюнула изо рта жвачку с таким видом, будто собиралась броситься в драку. В каком-то смысле она именно к этому и готовилась.

– Удачи! – прощebetала я, когда на Прескота и Сильвер стали цеплять микрофоны, и насладилась заключительной частью шоу.

Спустя полчаса – за которые мы окончательно довели ведущую – мы выехали с территории телестудии. Эмили уже подала два иска против шоу, Сильвер чихала во время интервью, а Прескот говорил только о своей новой марке мужских трусов Scottypants. Так что день, можно сказать, удался. Уж точно наша семья знавала деньки похуже. И все равно я чувствовала себя подавленно – может, виновата мини-пицца, которую я взяла в буфете. Из-за глютена наверняка снова появятся прыщи, и мне придется часами сидеть в кабинете у косметолога, чтобы не давать желтой прессе повода смеяться над состоянием моей кожи. Я устало закрыла глаза и прислонилась лбом к прохладному оконному стеклу. Мимо нас тянулись пологие зеленые холмы Новой Шотландии.

Этот визит был неофициальным, и все равно нас сопровождала полиция. В последние месяцы их стало больше. В моей голове проносились вопросы ведущей. Комок в желудке становится все больше и больше.

«Ешь богатых».

Щекотливая тема. До сих пор я слышала об этом только мимоходом, но в семье об этом шушукались. Видела их нервные взгляды, когда мы оказывались на улице, заметила, что вечером или – с недавнего времени – даже за завтраком новости стали включать погромче. И тот факт, что охрану усилили, от меня тоже не ускользнул. А потом появился этот знак. Перечеркнутая корона, а под ней надпись: «Ешь богатых». Новость крутили по всем новостям. Но все-таки этот лозунг «Ешь богатых», вся эта организация – это что-то американское. Порождение хот-догов и демократии. Ничего, кроме презрения, оно не заслуживало. И тем не менее, все были напряжены.

И я тоже. Гора проблем, казалось, продолжала расти. Политическими перипетиями я не очень интересовалась, да меня и пытались в это не втягивать. Проблемой была я сама. Вернее, какая-то часть меня. Что-то во мне. Но в чем именно эта проблема заключалась, я понять не могла. Я увидела свое отражение в тонированном стекле машины и взглянула на свои губы. Всю помаду я благополучно съела, остался только слабый оттенок красного. И тем не менее, они показались мне красивыми. Верхняя и нижняя губа одинакового размера, а посередине небольшая выемка.

«Возможно, этот принц поцелует вас на балу по случаю вашего дня рождения».

Поцелуи.

Я поджала губы, пытаюсь представить, каково это, когда вторая пара губ прикасается к моим. Какие они будут? Теплые? Влажные? Я слегка расслабила нижнюю губу. М-м... Так определенно лучше. И волнующе. Может, склонить голову немного набок? И закрыть глаза? Или пусть остаются открытыми? А куда деть руки? Как я узнаю, куда...

– Что это ты там делаешь?

Рядом с моим отражением в окне появилась белокурая голова моего кузена. Пойманная врасплох, я так резко дернулась назад, что наши головы ударились друг о друга.

– Ай! – застонал Прескот.

– Ой! – вскрикнула я.

– Как в дурацкой комедии, – покачала головой Сильвер.

– Все целы? Есть кровь? – обеспокоенно спросил Закари, мой телохранитель.

– Пожалуйста, только не на костюм, – сказала Эмили, не отрываясь от своего телефона.

Мы со Скотти переглянулись, потирая головы. Твердолобость, наверное, была семейной чертой.

– Что ты там делала? Целовалась сама с собой? – сказал он и рассмеялся, когда я пульнула на него мрачный взгляд.

У меня запылали щеки.

– Пошел ты, Скотти, – ответила я более резко, чем хотела, и смех прекратился.

– Эй, чего ты такая противная?

– Я всегда противная.

– Только по понедельникам, средам и когда во дворце подают мясной рулет, – сказала Сильвер и чихнула.

Я не ответила, но, когда снова повернулась к окну, увидела в отражении, что Прескот смотрит на меня, нахмутив брови. Он осторожно придвинулся ближе и погладил меня по спине, заставив комок в животе подняться к горлу

– Эй, ты в порядке? Чего такой несчастный вид?

– Ничего. Просто устала, – отмахнулась я, чувствуя, как у меня краснеют щеки от стыда.

Ну что за напасть? Мало того, что, чуть мне станет неловко, тело тут же выдает меня, но что еще хуже, я постоянно пропадаю в мечтах. В детстве этому умилялись, мол, ребенок с богатой фантазией. А я могла часами играть с людьми, которые существовали только в моей голове и о которых до сих пор любят шутить сотрудники дворца. В двенадцать у меня даже был воображаемый лучший друг. Я до сих пор иногда беседую с лордом Лаффи-Таффи. За время нашего знакомства он, конечно, неоднократно видоизменялся, и в итоге превратился из летающего радужного единорога в красивого принца с каштаново-рыжими волосами, зелеными глазами и ямочками на щеках. А вот свое дурацкое имя он сохранил. Но его это не смущало. Моего воображаемого лорда Лаффи-Таффи. Когда-то я была обязана вырасти из этих мечтаний – ведь все вырастали, а мне приходилось постоянно делать над собой усилие, чтобы мысли не улетали в облака. Прескот приподнял брови в немом вопросе, и в этот

момент комок в моем горле сам собой лопнул, и из меня потоком хлынули слова, которые я не в силах была остановить:

– Скоттискажи пожалуйстачестномоигубыжасны?

Скотти удивленно моргнул, а потом обернулся к Сильвер, которая снова сильно чихнула.

– Сильвер, помоги мне: когда женщины спрашивают о чем-то подобном, то это вопрос с подвохом? Следом стоит ожидать: полнят ли меня эти джинсы?

Прежде чем его девушка успела вмешаться, я резко наклонилась вперед и указала на свои губы.

– Я серьезно, Скотти. Мои губы красивые или уродливые? Когда смотришь на них, хочется их поцеловать?

– Хм, – Скотти так быстро откинулся назад, что под ним скрипнуло сиденье. Он подозрительно прищурился. – Ева, ты знаешь, я люблю тебя, но не так. Мы же с тобой родственники, и у меня есть Сильвер, и я думаю...

– О, спасибо, Скотти, что напомнил мне, каким бесполезным балбесом ты иногда бываешь! – пробормотала я и отвернулась, для пушшего эффекта сдув при этом с лица прядь волос.

Я не видела этого, но спиной чувствовала, как они с Сильвер переглянулись, схлестнувшись в немом споре. Как будто я не понимала, что они, пусть и без слов, обсуждают меня, что я и так кажусь им странной и теперь они ищут наиболее дипломатичный способ ответить мне, не оставив места для двояких интерпретаций. Наконец тихо скрипнуло кожаное

сиденье, Сильвер наклонилась вперед и погладила меня по колену. Видно, их спор разрешился – причем победой Сильвер. Или проигрышем. Тут как посмотреть.

– Милая, в чем дело? Ты прекрасна. Кто-то посмел сказать тебе обратное? Только скажи имя. Кому испортить настроение? Или сломать парочку пальцев?

Она сказала это мило, но ее взгляд был твердым, а сильные, накаченные, покрытые татуировками руки напряглись. Прескот смотрел на нее с обожанием. Это ж надо было так влюбиться. Я выдавила из себя полуулыбку.

– Да нет, просто... – я вздохнула.

– ПМС? – предположил Скотти.

Я стиснула зубы и зарычала.

– На следующей неделе мне исполнится шестнадцать, а я еще ни разу не целовалась! Что со мной не так? Почему никому не хочется со мной целоваться?

В лимузине стало оглушительно тихо, даже Эмили перестала мучить свой телефон. Прескот разинул рот. Сильвер уставилась на меня так, словно я только что заявила, что писаю королеве в утренний кофе.

– Ты... – продолжал Прескот.

– ...уверена? – недоверчиво добавила Сильвер.

– Уверена ли я? Как я могу быть не уверена? Уж наверное я знаю, целовали меня или нет? – возмутилась я.

Прескот закашлялся.

– Мы на тебя не нападаем. Я тоже не все свои походе-

ния помню. Большинство из них сопровождалось таким количеством алкоголя, что примерно один из трех раз я... – Он осекся, почувствовал на себе мрачный взгляд Сильвер. Еще раз покашлял и стал возиться со своим галстуком. – Что-то у нас тут жарко? Зак, а можно открыть окно? А то дышать нечем.

Класс! И кто меня за язык тянул? Ведь могла же я просто промолчать. Почему же я этого не сделала? Ах да, наверное, потому, что настоящих подруг, с которыми я могла бы говорить о подобных вещах, у меня не было. Я выпрямила спину и вздернула подбородок.

– А чему вы удивляетесь? Где и с кем мне целоваться? Во дворце я самая младшая. И персонал у нас одни динозавры.

– Эй! – запротестовал с переднего сидения Зак.

– Прости, Закари, но последний раз мне разрешали выйти без присмотра год назад! Все праздники, кроме коронации, отменили. Мне запрещается покидать дворец, да и по дворцу можно передвигаться только с сопровождением. В школе – одни выскочки, которые хотят со мной встречаться только для того, чтобы их голубая кровь стала еще голубее или чтобы засветиться в прессе. Вот и скажите мне, пожалуйста, при каких условиях и когда именно я должна была нормально потерять девственность?

Я поняла, что почти перешла на крик, когда все дружно отодвинулись от меня. Даже машину слегка занесло. Я вздохнула.

– Ну и дела, – просто сказала Сильвер.

– А что тот парень из Парижа? – нахмурившись, спросил Скотти.

Сильвер снова сильно чихнула. Она явно делала это слишком часто. К тому же нос у нее был подозрительно красным.

Я вопросительно уставилась на своего кузена.

– Ты имеешь в виду Люсьена? Который надеялся урвать мое наследство?

Я сдула прядь волос с лица.

– А парень из «Бертон», с которым ты какое-то время встречалась?

– Конченный идиот, и все время хотел трогать мои стопы.

– Ладно, а как насчет этого... Как же его звали... Такой, с рыжими волосами? Его семье принадлежат земли возле Антигониша.

Я уставилась на Скотти.

– Ты имеешь в виду МакДугина? Мы с ним видимся раз в год на этом идиотском благотворительном вечере в защиту сурков на острове Ванкувер, и все это время он не затыкается о том, как обожает на них охотиться.

– Надо же, – сказала Сильвер и опять чихнула.

Теперь и Прескот бросил на нее озабоченный взгляд.

– Тебе нехорошо?

– Да все лучше, чем личная жизнь Евы, – ответила Сильвер и снова чихнула.

Скотти бросил на нее недоверчивый взгляд, а потом сно-

ва повернулся ко мне. На его лице мелькнуло одновременно веселое и вместе с тем жалостливое выражение, он чуть подался вперед, схватил мои руки и ласково сжал их.

– Я не знал, что тебе так трудно с кем-то познакомиться, Ева. Извини.

– Всем плевать, что со мной происходит, лишь бы я только семью не позорила, – сказала я натянуто.

– Это неправда, милая, – возразил мой кузен.

Все сомнения последних лет, казалось, слились у меня в груди в одну болезненную точку, не давая мне дышать.

– Конечно, это правда. Если так и дальше пойдет, умру старой девой, – предсказала я.

– Очень драматично.

– Суровая реальность! – возразила я.

Сильвер чихнула.

– Как по мне, так и первый поцелуй, и первый секс – чрезвычайно переоценены и романтизированы. Ждешь чего-то волшебного, а в итоге просто мокро, гадко и неловко. Так что, поверь, ты ничего не теряешь. Спокойно наслаждайся тем, что не знаешь, каково это – когда к тебе в рот вваливается язык и вливается чужая слюна.

Мы с Прескотом в шоке посмотрели на нее. Я наклонилась к Скотти и шепнула ему на ухо:

– Неуели ты правда так ужасно целуешься?

– Нет!

От возмущения он вскочил, вернее, попытался вскочить,

напрочь забыв, что пристегнут, и ремень безопасности его чуть не придушил.

– А-а!

– Апчхи! – весело чихнула Сильвер.

– Можем продать мой первый поцелуй с аукциона, – задумчиво бросила я.

Все в недоумении уставились на меня.

– Что? – хором спросили все присутствующие.

– Идея не так уж плоха, разве нет? – продолжила я.

– Нет, – сказал Скотти.

– Апчхи! – чихнула Сильвер.

Эмили нервно стучала телефоном по подбородку.

– Мы могли бы сделать из этого большое событие, – предложила я. – В полночь, в мой день рождения с молотка продаем мой первый поцелуй... Вся прибыль пойдет на благотворительность, а меня, наконец, поцелуют. Двух зайцев одним выстрелом!

Скотти потер лицо.

– Ничего идиотичнее я от тебя не слышал! Учитывая, что ты предлагала продавать воду из нашего бассейна на Ebay.

– Но тут реально можно много выручить.

– Нет! – вмешалась Эмили.

– Почему нет?

– Просто нет, – строго повторила Эмили, глядя на меня.

Но я ее не слушала. Я уже вся разволновалась, сердце забилось быстрее. Я уже видела, как стою на подиуме. Фоном

играет струнная музыка, и с два десятка молодых людей соперничают за право меня поцеловать. Все смотрят только на меня. Улыбаются – мне одной. Суммы выкрикиваются баснословные, а победит в итоге молодой лорд с милыми ямочками на щеках и темными глазами.

И вот он подойдет ко мне – руки изящные, тонкие, но все же немного больше моих – и его поцелуй будет таким нежным, мягким и романтичным, что не только весь мир будет судачить о нем, но даже Дисней снимет фильм. Его губы касаются моих губ, его пальцы скользят, как пушинка, по моей коже, нам аплодируют, а над нашими головами пляшут звезды. Это было бы...

– Божественно, – сказала я вслух.

Прескот недоуменно поднял брови. Сильвер покачала головой, но у нее вообще был такой вид, будто она вот-вот грохнется в обморок.

– Идея отличная. Надо скорее сообщить бабушке, – сказала я, и Эмили с удвоенной силой принялась печатать на своем телефоне.

Такой скорости я даже от нее прежде не видела, не удивлюсь, если в этот момент она установила новый мировой рекорд. Сильвер кашлянула, и Прескот потрогал ее лоб.

– Сильвер, дорогая, кажется, у тебя температура.

– Глупость твоей кухни заразна, – съязвила она.

– Бациллами на меня не дышать! – крикнула я и быстро открыла окно.

– Ты спятила? Закрой окно, ее же продует! – закричал Прескот и нажал на кнопку со своей стороны, чтобы окно снова поднялось вверх.

– Я не больна! – угрюмо возразила Сильвер, хотя безусловно выглядела больной.

Со вздохом я откинулась на спинку сидения. Пока голубки препирались, я стала наблюдать за тем, как ловко Закари маневрирует по канадским улицам.

– Какие планы сегодня, Зак? – спросила я.

В зеркале заднего вида я увидела, что в его глазах появился веселый блеск. Неужели свидание? Мне доподлинно было известно, что как минимум пять наших горничных были по уши в него влюблены. Понять мне это было сложно – в смысле, он был ровесником отца, а мне даже Скотти в свои двадцать три года казался почти стариком. Судя по внешнему виду Зака, у него в роду точно были инуиты с севера Канады – может, родители, может, бабушка с дедушкой. Вокруг его веселых миндалевидных глаз виднелись морщинки, а черные, собранные в хвост волосы начали сесть на висках, но для старика Зак, наверное, и в самом деле был еще вполне ничего.

– Вечером у меня отгул. Ко мне приезжает один гость, которого я очень жду, – ответил он.

Сильвер и Прескот все продолжали пререкаться. А может, флиртовали друг с другом. По ним никогда не поймешь – но обычно у них одно плавно перетекает в другое.

– Класс! Ваша подруга? – спросила я, и от улыбки морщинки вокруг глаз Зака стали еще глубже.

– Нет. Сын приезжает в гости, – сказал он, и я тут же наострила уши.

– У вас есть сын?

Он улыбнулся.

– Да. Он живет со своей матерью в Нью-Йорке. Приезжает ко мне на летние каникулы. Будет помогать во дворце, в саду, на кухне

Я только собралась спросить, сколько его сыну лет, как мы остановились перед семейным замком Блумсбери.

– Дом, милый дом, – весело пропел Прескот.

Сильвер чихнула.

Кингсли

Я не мог поверить, что в самом деле нахожусь в Канаде. Почему-то я был уверен, что полет в эту тьмутаракань займет больше четырех часов. Закинув сумку на плечо, я вошел в зал прилетов небольшого аэропорта и окинул взглядом толпу. Хотя я уже очень давно не видел Закари, не заметить его, двухметрового здоровяка, было невозможно. Ростом я явно пошел в него. Мама как раз была крошечной, но боялся я ее больше. Только вот ростом под два метра во всем помещении был всего один человек – продавец за стойкой фаст-фуда. А так вокруг мельтешили одни бизнесмены да семьи

с визжащими детьми.

Я отошел в сторонку и стал ждать. Может, опаздывает. Не знаю, как в Канаде дела обстоят с пробками, но, живя в Нью-Йорке, я привык к тому, что никто и нигде не оказывается вовремя. Подождать пару минут вообще не вопрос. Я не нервничал, не злился. Вообще ничего такого. Я был настолько спокоен, что даже вытащил из кармана телефон и написал маме, что я хорошо добрался. Больше делать было нечего. Я купил попить и стал – с нарастающим беспокойством – наблюдать за людьми.

Может быть, Закари решил подождать снаружи? Я сомневался, стоит ли мне выходить из зала прилетов, но в итоге рассудил, что в таком небольшом аэропорте мы с ним вряд ли разминемся. Я взял свои вещи, вышел на улицу, встал к шершавой оштукатуренной стене у входа в аэропорт и стал ждать, ждать, ждать... Черт подери, неужели он про меня забыл? Со злости я пнул стоящее рядом мусорное ведро. Оно повалилось, и на асфальт вылетело несколько пустых пакетов из-под фастфуда и журнал, с обложки которого мне улыбнулось лицо канадской принцессы. Заголовок под ним гласил:

«Принцесса Ева: 10 шагов, чтобы стать принцем ее мечты. Полезные советы для каждого, кто хочет встретиться с принцессой».

Какая гадость, меня аж затошнило. Я с отвращением отвернулся и застыл. Позади меня перед входом стоял высокий

мужчина с коричневым плюшевым медведем в руке и изучал план аэропорта. Темные волосы были заплетены в длинную тугую косу, но мое внимание почему-то привлекли морщинки вокруг его глаз.

Это был Закари. Сердце у меня екнуло. Я только и мог что смотреть на него, стараясь контролировать выражение своего лица. Я не знал, что испытаю, когда увижу его, но в данный момент во мне поднималась смесь волнения и обиды. Часть меня – большая часть – вообще не хотела тут находиться. Меня вынудили, заставили. Ведь в противном случае я бы и словом не обмолвился с этим человеком, так, обменялись бы дежурными открытками на день рождения, Рождество и Пасху. Но сейчас мне надо было подойти к нему, а я понятия не имел, что сказать. О чем говорить с человеком, которого практически не знаешь и который все-таки является частью твоей жизни? Ну или по крайней мере частью твоей ДНК и нескольких смутных воспоминаний. Не знаю, сколько б я так простоял истуканом, но тут Закари вдруг поднял голову и, взяв себя в руки, я шагнул к нему. Наши взгляды встретились, и я с удовольствием заметил на его лице нерешительность. Он осмотрел меня с головы до ног.

– Кингсли? – спросил он низким, теплым голосом.

Этот голос был одновременно и очень знакомый, и какой-то чужой. Как смутное, ускользающее воспоминание.

– Привет, Зак, – сказал я.

Решил, что не буду звать его отцом, так как он перестал

им быть, когда исчез из нашей нью-йоркской квартиры.

– Кинг, – повторил Зак, приближаясь ко мне широкими шагами.

На нем был черный костюм. Интересно, он сразу после работы приехал или одевается так в свободное время?

– Привет, – сказал я сдержанно и, надеюсь, сохранив непроницаемый вид.

Мой отец – то есть Зак – остановился передо мной, теребя медведя в руке, как будто и сам не знал, что ему в этой ситуации делать. Подать мне руку? Обнять меня? Пока неловкость не зашкалила, я принял решение за него и просто слегка кивнул. Закари улыбнулся, и морщинки вокруг его глаз углубились. Он казался одновременно напряженным и довольным, а когда подошел еще ближе, положил мне руку на плечо и слегка сжал. От этого прикосновения я замер.

– Вот это да! – удивленно сказал Зак. – Ты так вырос. Когда я тебя видел последний раз, ты мне едва до груди доставал.

– Да. Вот так живешь себе, живешь, ешь, воду пьешь, солнышко на тебя светит... а потом бах, и вырос на две головы.

Черт, что это за бред? Откуда это вылезло? Правда, Закари, похоже, не так легко было смутить или же он умело притворялся, потому что его улыбка стала только шире. Он откашлялся и протянул мне медведя.

– Вот, это тебе. Я думал... Просто я тебя так давно... Я не знал, что тебе принести. Извини.

Я посмотрел на плюшевого медведя. Только теперь я заметил, что он не новый. Одного уха нет, в нескольких местах заплатки. Зак смущенно откашлялся.

– Это был твой медведь. Я его тебе подарил, когда ты родился. Я хранил его все это время на случай, если ты придешь ко мне. Но теперь он тебе, наверное, уже не нужен?

Последний вопрос он задал так, что я сразу понял: надеется, что я сейчас с энтузиазмом кинусь на этого медведя, но, блин, на кой черт он мне сдался? Я хотел одного – вернуться в Нью-Йорк, и чтобы мой полет в Канаду остался в прошлом как короткий и неудачный эксперимент. Между нами повисла тяжелая тишина. А вместе с тишиной еще и медведь. Неловкость определенно затянулась.

– Все в порядке, – сказал я и взял медведя. – Он мягкий, мне нравится.

– Так что, тогда... – Зак снова откашлялся и кивнул в сторону парковки. – У меня до завтра выходной. Хочешь сначала вещи закинуть или перекусить?

Не знаю почему, но перспектива сидеть с Заком за одним столом, возить еду по тарелке и судорожно искать тему для разговора не очень меня вдохновляла.

– Я не голоден и довольно сильно устал, – сказал я коротко.

На лице Зака мелькнуло разочарование, но он быстро подавил его, улыбнулся и понимающе кивнул.

– Хорошо, тогда сначала поедем ко мне. А пообедать смо-

жем на дворцовой кухне или попозже съездим куда-то.

Я кивнул, и мы молча пошли к машине, держась где-то в метре друг от друга. Пока шли, я поймал себя на том, что продолжаю исподтишка наблюдать за ним, выискивая наши сходства. Мне всегда казалось, что я больше похож на маму, но тут с каждой секундой меня все отчетливее охватывало осознание, что на Закари я похож гораздо сильнее, чем предполагал. Зак подошел к «Тесле».

– Неплохая тачка! – впечатлился я.

Зак едва заметно улыбнулся, открывая машину.

– Что тебя удивляет? – спросил он.

Я бросил свою спортивную сумку в ноги пассажирского сиденья, положил старого медведя назад, а сам сел вперед рядом с водительским.

– Я ж не знаю, какая у телохранителя зарплата.

– Я посвящаю свою жизнь служению королевской семье Новой Шотландии, так что не такая уж маленькая, – сухо ответил он, завел машину и выехал со стоянки.

– Мы тоже будем жить во дворце?

Честно говоря, эта перспектива меня не очень-то радовала. Даже, можно сказать, угнетала. Жизнь во дворце – это же сплошные правила, поклоны, горничные и компаньонки. Это как жить в историческом сериале.

– Нет. В отдельном здании для сотрудников. Это на территории. У меня своя квартира, и есть свободная комната. Ты будешь там жить.

– Понятно. А если столкнусь с королевой, принцем или принцессой? Нужно будет соблюдать какие-то правила?

Я никаких правил соблюдать не хотел.

Зак криво улыбнулся.

– Если хочешь, могу дать тебе ускоренный курс, но там ничего такого уж сложного. Да и скорее всего никого из семьи Блумсбери ты не встретишь.

Я вздохнул с облегчением.

– Сколько ты вообще работаешь в неделю?

Я глубже вжался в сиденье и уставился в окно. Окружности были совершенно иными, чем на Манхэттене. Повсюду маленькие разноцветные домики, в небе кружат чайки – и все это среди зеленых холмов. Гор видно не было, наверное, они появятся, когда мы продвинемся вглубь страны.

– Четыре дневных смены. Смена длится примерно двенадцать часов. В дороге иногда получается дольше. И еще одна-две ночные смены в неделю.

– Напряженно.

– Мне нравится моя работа, – спокойно ответил он и сдержанно улыбнулся. – Это большая честь – работать на королевскую семью.

У меня во рту появился неприятный привкус. Как я ни пытался скрыть раздражение, думаю, мне это не удалось.

– И что мне делать, пока ты работаешь?

– Я попросил управляющего найти для тебя занятия. Ничего конкретного – будешь помогать, где потребуется. Но не

волнуйся, свободного времени у тебя будет достаточно. Я знаю, для тебя пребывание здесь – это своего рода наказание, но я надеюсь, что ты хорошо проведешь время и будешь вспоминать его без негатива. На следующей неделе возьму несколько выходных, покатаю тебя по Канаде.

– Почему только на следующей неделе? Отпуск не дают? – насмешливо спросил я.

Зак покачал головой и внезапно свернул с главной дороги на узкую гравийную дорожку, которая петляла по холмам к побережью.

– На выходных принцесса празднует свой день рождения. А после я смогу уделить тебе время, – спокойно пообещал он.

– Можешь не утруждаться, – быстро ответил я и снова посмотрел в окно. Раньше же он это не делал.

Между нами повисло молчание. Я пытался придумать тему для разговора, но на ум ничего не приходило. Наверное, с Закари происходило то же самое – его нижняя челюсть непрерывно работала, словно он жевал слова, но вслух их не произносил.

Как раз когда тишина стала невыносимой, мы остановились перед большими воротами из кованого железа. Зак нажал на расположенную над его головой кнопку, и двери бесшумно распахнулись. Мягким рывком Зак снова двинулся вперед. Перед нами лежал небольшой участок леса, который выглядел еще зеленее и ухоженнее, чем встречавшаяся нам

до сих пор растительность. Белый гравий хрустел под автомобильными шинами.

Я медленно выпрямился, когда перед нами замаячил врезанный в скалу замок. Однако к самому дворцу Зак не поехал, а свернул налево. Через несколько минут мы подъехали к зданию, напоминавшему по стилю замок, только попроще. Фасад на добрую половину был увит розами и плющом.

– Здесь живет часть сотрудников. Моя квартира на самом верху. – В низком голосе Зака был отчетливо слышно, как сильно он надеялся, что мне понравится это место.

Я промолчал. Я еще не решил. Закари припарковал автомобиль перед домом рядом с другими машинами, и я неспешно вылез. Воздух здесь был свежее и прохладнее, пахло морской солью и зеленым мхом. Я слышал шум прибоя, бьющегося о скалы, и пение птиц. И больше – ничего. Ни машин, ни метро, ни автобусов, ни орущих людей. Вообще ничего. Впервые я оказался в такой тишине.

Закари направился к жилому комплексу, и его шаги захрустели по гравию. Я посмотрел ему вслед и почему-то засомневался. На сердце стало тяжело, и мне вдруг пришла в голову мысль, что сейчас надо развернуться, сесть в первый же автобус и поехать обратно в аэропорт. Если я откажусь здесь оставаться, мама не сможет заставить меня, как бы она ни злилась.

Зак остановился у входа. Его высокая фигура отбрасывала тень на щебень. Он спокойно смотрел на меня, как будто

догадавшись о моих мыслях, но, к моему удивлению, ничего не сказал. Конечно, вряд ли он кинется удерживать меня силой, если я сейчас решу уехать. У меня по спине поползли мурашки несмотря на то, что светило солнце и погода стояла теплая. У меня возникло такое чувство, будто я стою на распутье, и выбор, который я сейчас сделаю, определит мою судьбу. И что бы я ни выбрал, часть старой жизни бесповоротно останется позади.

Мой желудок неприятно сжался. Зак стоял, приоткрыв дверь, и ждал меня. Вздохнув, я достал из машины свою сумку, запихнул медведя в карман куртки, при этом влез он только наполовину, а потом сделал шаг. К нему. А потом еще один. И еще. Когда я оказался рядом с ним, наши тени сплелись, сливаясь в замысловатый узор из рук и ног. Зак улыбнулся мне и кивнул, словно был благодарен за то, что я не сбежал. Я ничего не сказал, просто пошел за ним. Но меня не покидало ощущение, что я только что совершил роковую ошибку.

Ева

– Дориан должен встречаться с Мэк. Она хоть и странная, но все же лучше этой Камиллы. Я ей не доверяю...

Прескот окунул свою ложку в стоящее между нами ведро мороженого. Тем временем высокий блондинистый актер на экране прижал девушку к школьной парте и горячо поце-

ловал ее. Их губы соприкоснулись, его язык проник ей в рот, вызвав у нее легкий стон.

– Камилла наверняка убила своих родителей и теперь пытается обвинить во всем свою двоюродную сестру, – согласилась я.

Парочка на экране продолжала постанывать. Заинтригованная, я медленно облизывала свою ложку с остатками мороженого, размышляя, не стоит ли подпустить к себе какого-нибудь лордика из школы. Очень уж горячо смотрелись эти поцелуи на школьной парте. Сильвер, погребенная под таким количеством одеял, что виднелся только кончик ее покрасневшего носа, яростно чихнула и застонала.

– Как вы можете смотреть такую ерунду? Включите что-нибудь другое.

– Ш-ш! – шикнули мы со Скотти одновременно.

Я сунула ложку в ведро и уткнулась в картонное доннышко.

– Эй, ты что, доел все мороженое?

Я недовольно заглянула в пустое ведро, а Прескот скорчил невинную физиономию. Как только нам, наконец, удалось уложить Сильвер в постель после нашего возвращения с телестудии, Скотти официально переоделся в королевский халат, и мы засели смотреть сериал *«Зажигай, ребята»*. За это время Скотти, видно, перегрелся, потому что сейчас он сидел в один трусах с уточками и в одном носке на левой ноге. Я тем временем подняла волосы вверх при помощи па-

рочки лакричных твизлеров. Раздосадованная тем, что он съел все мое мороженое, я вытащила из волос красную конфету и укусила ее. Главные герои между тем перешли на истошный крик. Это я называю «быстрой эскалацией». Сэр Генри пушистым комочком лежал на краю кровати и радостно терпел мои почесывания.

– Так, надо не забыть в следующей жизни стать голливудским актером, а не принцем, – пробормотал Прескот.

Я снова сунула твизлер в рот. В этот момент раздалось почти беззвучное гудение. Вибрация на моей ягодице напомнила мне, что я кое-что планирую сегодня. Какой бы уютной ни была пижамная вечеринка Блумсбери. Я посмотрела на свой мобильник.

Анастасия: Вечеринка началась. Ты где?

Я: Нужно улизнуть. Кто уже пришел?

Анастасия: Все.

Я: Дай мне полчаса.

На это Анастасия уже не ответила. Я почесала затылок. Да и нечего было принцессе Сент-Эдвардс добавить: при дворе слухи распространялись быстрее, чем в желтой прессе. Если на этой вечеринке были все, то и мне надо там быть. Иначе подумают, что я либо слишком незначительная фигура и меня не удосужились позвать, либо же зануда. А я ни занудой, ни незначительной фигурой прослыть не хотела. Я

должна туда попасть. Просто из принципа. Если я этого не сделаю, про меня забудут через полгода, и придется выдумывать невесть что, чтобы восстановить свою репутацию. Я незаметно отодвинула телефон, вытянула руки и преувеличенно громко зевнула.

– Так, пойду-ка я спать, – пробормотала я и потерла глаза. Скотти уставился на меня.

– Что? Уже? Давай возьмем еще мороженого.

– Нет. У меня был трудный день.

Я поцеловала его в щеку и потрепала Сэра Генри по шее.

– Спи, мой сладенький, – сказал я.

Он тихо зарычал и завилял маленьким хвостиком. Сильвер что-то пробормотала, когда я тихонько вышла из комнаты.

В коридоре было темно. Я вернулась в свою комнату и какое-то время прислушивалась к звукам, потом надела джинсы, натянула темное худи и надвинула на глаза капюшон. Взяла мобильник и скользнула в свои розовые блестящие мартинсы. Весь этот ритуал уже настолько вошел для меня в привычку, что я почти перестала оборачиваться, опасаясь, что меня заметят. Я была слишком взрослой для того, чтобы кому-то – будь то нашему дворецкому Такаши, моему дяде или кому-то из телохранителей – пришлось в голову проверять, легла ли я вовремя в постель. Но осторожность никогда не бывает лишней, к тому же семья у меня очень тревожная. И любит допытываться.

Я тихо открыла окно и посмотрела вниз. Где-то вдали ухнула сова. Легкий ветерок коснулся моих волос. Я взглянула на широкую ветвь клена, которая чуть не стучалась мне в окно. Горизонт чист. Тогда вперед.

Ловко перекинув ноги через подоконник, я встала на узкий карниз. Затем повернулась и посмотрела на ветку. Адреналин бурлил в моих жилах. Глубоко вздохнув, я уперлась пальцами в фасад и с силой оттолкнулась. Сработала гравитация, я потянулась к ветке и... не рассчитала. Я поняла это в тот миг, когда моя рука, готовясь ухватиться за дерево, поймала только листья. Я подавила визг, падая вниз. Очень далеко вниз.

Задыхаясь, я нащупала следующую ветку и попыталась удержаться. Но напрасно. Добившись только того, что одна из веток ударила меня по лицу, я продолжала рвать пальцами листья. Пока не столкнулась с чем-то твердым и в то же время мягким.

Бум!

Мой лоб сильно ударился о... обо что-то. Острая, ужасная боль пронзила мои виски, и я резко втянула воздух. Кто-то застонал. В следующее мгновение я поняла, что лежу на какой-то твердой, тяжело вздымающейся груди.

– Какого черта? – простонали подо мной.

Я застыла. Моргнула. Приподнялась на локтях и только сейчас заметила, что моя импровизированная прическа развалилась, и теперь вокруг нас на земле валялись твизлеры, о

которых я напрочь забыла.

Я. Лежала. На. Парне. Боже.

Мои волосы касались его груди. Руки, бицепсы которых по ширине не уступали моим бедрам, обхватили меня за талию. Черные как смоль волосы разметались по полу. Не мои. Его. Янтарная кожа, изящные черты лица. Резко изогнутые брови – левая рассечена шрамом – возвышались над парой выразительных глаз, радужки которых имели цвет жидкого золота. Мы уставились друг на друга. Прошло мгновение. Еще одно. И тут золото пришло в движение, закружилось, притягивая меня. Мне показалось, что я снова падаю. Только на этот раз я ни обо что не ударялась, а просто погружалась все глубже, пока мир вдруг не перестал существовать.

Невольно мой взгляд устремился к его полным губам. Только мельком я заметила, что из носа у него течет кровь, слишком меня увлекли эти губы...

– Слезь с меня! – прорычал он.

Не знаю, кто из нас моргнул, но я резко вернулась к реальности и вскочила на ноги.

– Ты кто такой? И что ты здесь делаешь? Это частная территория!

Я уставилась на незнакомого парня. Он сел, сердито сверкая глазами, и, демонстрируя этнические татуировки на своем предплечье, попытался вытереть кровь рукой. Но только больше размазал ее по лицу. Рядом с ним лежал рюкзак. Мы заметили его одновременно, и незнакомец молча схватил его

и перекинул через плечо.

– Это ты у меня спрашиваешь? Ты грохнулась на меня и чуть не пришибла насмерть, – прорычал он с явным американским акцентом. Он недоуменно посмотрел вверх. Ветка еще продолжала покачиваться и на нас сыпались листья. – Откуда ты вообще взялась?

– С третьего этажа, – чуть слышно сказала я и недоверчиво посмотрела на него. На всякий случай отступила на шаг. – А ты откуда?

– Из Манхэттена.

– А... Даже и не знала, что сюда из Нью-Йорка проложены подземные туннели.

Он озадаченно посмотрел на меня, а потом покачал головой и пробормотал что-то вроде: «Что за черт?» Не сказав больше ни слова, он повернулся и пошел в темноту.

– Эй! Подожди! – крикнула я ему вслед, но он продолжил идти.

– Эй! Здесь нельзя ходить! – кричала я, пытаюсь его догнать.

Передо мной мелькал широкий силуэт его спины. Он шел по тропинке, которая вела с территории замка. Я ускорила шаг и догнала его у больших ворот, где на дорогу падал яркий свет из будки охранника.

– Подожди! – выдохнула я и схватила его за рукав.

Парень вздохнул и обернулся.

– Слушай, я просто пытаюсь свалить отсюда! Территория

огромная, я заблудился. У меня никаких тайных целей, я ничего не украл. Отпусти.

Сузив глаза, я стала внимательнее его рассматривать. Туго зашнурованные армейские ботинки. Черные джинсы с разрывами на коленях облегли его стройные ноги. Узкие бедра и талия переходили в накаченный торс, обтянутый темной футболкой. В темной куртке он практически сливался с ночью. Я подняла взгляд выше: к его шее, на которой пульсировала вена, потом посмотрела ему прямо в глаза.

– То есть я должна тебе поверить, что ты случайно забрел на территорию королевского замка? – насмешливо спросила я.

– Приблизительно так, – ответил он не менее насмешливо. Мой взгляд метнулся вниз. К его руке, с длинными тонкими пальцами. И к ремню, зажимаемому этой рукой.

– Что у тебя в сумке?

– Извини, но это не твое дело.

– Мы всегда такие грубые?

– С людьми, которые говорят «мы» – да.

Я резко подалась вперед и выхватила у него сумку.

– Кто ты такой? Я здесь всех знаю. А тебя нет.

А ведь я бы его определенно запомнила. Мы смерили друг друга недоверчивыми взглядами, которые стали еще более подозрительными, когда он вырвал свою сумку у меня из рук и снова закинул ее себе на плечо.

– Тебе необязательно меня знать, – сказал он сухо. – Мне

здесь не место, и я сейчас уйду.

– Уйдешь? – повторила я. – Сейчас ночь. Без пропуска никого не выпустят. А я что-то сомневаюсь, что у тебя он есть.

Он весело хмыкнул.

– Мне не нужен пропуск, чтобы выбраться отсюда.

– Спорим?

На это он показал мне средний палец, повернулся и зашагал дальше. Я смотрела ему вслед – с одной стороны, с недоверием, с другой – с интересом. Прислонившись к стволу дерева, я наблюдала за тем, как он крадется мимо будки охранника, перебрасывает свой рюкзак через стену и ловко, точно вор, карабкается вверх... Спустя мгновение его тень исчезла по ту сторону стены.

– Раз... – начала я считать, ковыряя черный лак на ногтях. – Два...

Я не успела даже дойти до трех, как раздался громкий свист, разлетаясь эхом в темноте, далее последовал собачий лай. Где-то у стены кто-то выругался. Вскоре после этого один из охранников – Свен – появился из-за угла, толкая перед собой незнакомого парня. Руки он закрутил незнакомцу за спину, что наверняка было еще больше с рюкзаком. Парень с кислым видом пытался оправдаться.

– Я все могу объяснить. Я...

– Мне плевать, кто ты такой. Без пропуска ты сюда не войдешь и не выйдешь. Сначала запишем твои личные данные, а

затем выясним, почему ты считаешь, что имеешь право врываться на частную территорию.

– Я не врывался. Я пытался отсюда свалить.

– Ну, конечно. Ты пытался свалить, а я – королева! – усмехнулся Свен и подтолкнул парня к будке.

Уже на ее пороге незнакомец, незаконно проникший на территорию замка, точнее, пытающийся с нее незаконно сбежать, оглянулся и заметил меня. Радостно помахав ему рукой, я подняла вверх большой палец. На лице у него было такое выражение, словно он хотел ответить мне тем же, но тут Свен затянул его внутрь и захлопнул дверь. Я прикусила губу. Может, все-таки сжалиться над бедолагой? Нет, поделом ему. И вообще он очень вовремя всех отвлек, чтобы я сама могла незаметно выскользнуть с территории.

Я быстро двинулась вперед, уворачиваясь от камер наблюдения – этим мастерством я овладела в совершенстве за годы тренировок – и, наконец, добралась до их слепой зоны – к скрытому плющом отверстию в стене, достаточно большому, чтобы я могла через него протиснуться. Мне его когда-то показал Скотти. Сам он в него уже не пролезал, хотя, думаю, время от времени пытался, когда вся эта дворцовая суматоха становилась невмоготу. Я уже готовилась отодвинуть плющ, когда снова оглянулась на охранную будку. Она осталась далеко позади, и ничего толком разглядеть было нельзя, но все-таки я различила в окне темную, сгорбленную фигуру – ссутулившись на стуле, беглец смотрел в окно. Сама не зная

почему, я замерла и, прислушиваясь к собственному дыханию, стала наблюдать за маленьким пятнышком. Оно не двигалось.

Может, меня не отпускало выражение его лица перед тем, как Свен закрыл за ним дверь. За всеми этими показываниями среднего пальца и насмешками скрывалось что-то еще – что-то затравленное. Глубоко несчастное. Я знала это выражение – потому что сама каждый день видела его в зеркале.

Я колебалась. Плющ царапал мои пальцы, что-то поползло по моей руке. Не глядя я стряхнула насекомое, начиная злиться на себя. Это не мое дело. Кто знает, что натворил этот парень? Меня это никаким боком не касается. Да и он, наверное, не стал бы мне помогать. Прости, детка, жизнь тяжела, подла и несправедлива.

Я просунула голову в отверстие, протиснулась на другую сторону и остановилась. Выругалась и полезла назад. Злясь на себя, пнула ногой небольшой камень. Глупый камень! Глупые грустные глаза этого глупого незнакомого парня! Глупая Ева.

Несколько секунд спустя я распахнула дверь охранной будки. Свен расхаживал по комнатушке, зажав между плечом и ухом служебный телефон, и утвердительно кивал собеседнику.

– Да, он здесь и, наверное, хотел...

– А, вот ты где! А я тебя ищу! – воскликнула я.

И Свен, и незнакомый парень уставились на меня с таким

видом, будто волшебная фея бросила им под ноги слиток золота.

– Принцесса! – удивленно воскликнул Свен.

– Принцесса? – повторил парень и окинул меня таким презрительным взглядом, что при желании я могла бы и обидеться. Но у меня такого желания не было. Я улыбнулась шире и повернулась к Свену.

– Свен, ты его нашел! Слава богу. А то я уже битый час ищу... м-м... Рональда!

– Кингсли, – поправил меня парень.

– Да, большое спасибо. С ног сбилась искать Рональда Кингсли.

– Неужели? – подозрительно спросил Свен.

– Кингсли... Просто Кингсли, – вставил «Кингсли, просто Кингсли».

– Я же говорю, – отмахнулась я, – мы с ним играли в прятки. – И, шутливо толкнув Кингсли локтем в бок, добавила: – Ведь мы с тобой лучшие друзья с сотворения мира.

– В прятки? – эхом повторил Свен.

– С сотворения мира? – переспросил Кингсли.

– Именно, – сказала я. – Ты бы видел, как он прячется за занавесками. Практически становится невидимкой.

Кингсли страдальчески скривил лицо. Я подняла бровь, давая ему понять, что, если он сейчас мне не подыграет, я без угрызений совести оставлю его в этом затруднительном положении. Он вздохнул.

– Да, я правда отлично играю... в прятки.

Свен почесал затылок, явно не зная, как реагировать. Бедняга. Он был новенький. Опытные охранники, вроде Закари, никогда бы не повелись на мои бредни, но Свен только смущенно сказал:

– Здесь вообще-то нет занавесок.

– А деревья? Тот же принцип, – уверенно заявила я.

– Не забывай о сотворении мира, – вставил Кингсли. Болван.

Свен посмотрел на нас. Я откашлялась и указала на наручники.

– Будь так любезен, освободи его, чтобы мы могли продолжить?

Свен беспомощно глянул на свой телефон.

– Да. Нет. Одну минуту. Здесь принцесса Ева и она утверждает...

– Я не утверждаю, а рассказываю, – сказала я.

Свен проворно поправил брюки.

– Принцесса рассказывает, что гуляла с ним по территории. Я... Да, конечно. Я скажу ей. Извините за беспокойство, мистер Такаши.

Он повесил трубку. Я выругалась про себя. У нашего дворецкого просто невероятный нюх. Если почуял неладное, у нас оставалось не более пяти минут на то, чтобы исчезнуть. В противном случае моя сегодняшняя вылазка будет официально отменена.

– Мистер Такаши передал, что уже слишком поздно, чтобы передвигаться по территории в одиночку. Он немедленно пришлет сопровождение.

– О, в этом нет необходимости, Свен, мы немедленно вернемся в замок.

Я дергала Кингсли, пока он не сообразил вытянуть руки. Свен пусть неуверенно, но все же открыл наручники. Отлично. На этом моя миссия завершена. Главное, не забыть выбить Свену повышение, если его, конечно, после этого случая не уволят. На что я, честно говоря, очень надеялась. Кингсли с облегчением помассировал запястья и посмотрел на меня с таким видом, будто сомневался, не лучше ли ему остаться здесь, у охраны.

– Принцесса, – сказал Свен, когда я подняла Кингсли на ноги и сунула ему в руку его рюкзак, – к сожалению, я вынужден настаивать, чтобы вы подождали телохранителя.

– Не волнуйтесь. Мы сами найдем обратный путь, Свен, – прошептала я и, схватив Кингсли за свободную руку, потащила к двери.

Часто моргая, он посмотрел на наши руки – переплетение снега и песка – но возражать не стал.

– Принцесса! – крикнул Свен, но я быстро махнула рукой и, закрыв за нами дверь, ринулась в безопасную темноту.

– У нас есть ровно три минуты, чтобы убраться отсюда, – прошептала я, как только мы свернули с подъездной дорожки.

– Никуда я с тобой не пойду! – Кингсли остановился так резко, что я чуть не повалилась назад.

Он вырвался из моей хватки, и мои пальцы внезапно похолодели. Я повернулась к нему и подняла одну бровь.

– Это так ты пытаешься сказать «Спасибо, Ева, что вытаскила меня из дерьма»?

– Нет, ничего подобного я говорить не собирался, – возразил он и провел рукой по длинным волосам, собранным резинкой в свободный узел.

Темная прядь упала ему на лицо, и тут я заметила, что у него до сих пор размазана кровь.

– У тебя здесь что-то, – сказала я, указывая на его нос.

Кингсли хмыкнул.

– Да, в Америке это называется носом.

– А у вас в Америке всегда носы в крови? – ответила я, и Кингсли улыбнулся.

– Только если канадка разобьет.

– Не стоит благодарности. И прости.

Он закатил глаза и принялась вытирать кровь. И даже при таких обстоятельствах я не могла не заметить, что он чертовски привлекателен. Ему бы в актеры. Или в модели. И главное, перестать вламываться в королевские владения. Ну разве что в роли страстного злодея в кино, который проникает во дворец, чтобы похитить принцессу. Тут он бы идеально подошел.

– Все в порядке? – прервал мои мысли Кингсли.

Я моргнула.

– Когда-нибудь думал о карьере кинозлодея? – спросила я.

– Что?

– Неважно. – Ева, соберись. – Итак, как я уже сказала, я пошла. А ты, если хочешь, оставайся, – сообщила я. – Меня ждут. Удачи в этой дыре.

Не дожидаясь ответа, я зашагала обратно к стене, уклоняясь от камер. Позади меня послышалось фырканье, и на меня почти накатило разочарование от того, что он, кажется, действительно отказался со мной идти. Я только наклонилась, чтобы отодвинуть плющ с прохода в стене, как вдруг услышала рядом какой-то шорох. Кингсли наклонился и недоверчиво посмотрел на меня.

– Объясни мне кое-что: ты правда принцесса... вот этого всего? – Он пространно развел руками.

– Ты имеешь в виду дворец или Новую Шотландию?

– И то и другое.

– Тогда да. Зови меня Евой. Рада бежать с тобой, – сказала я и пожала его руку.

Он был так ошеломлен, что вообще никак не отреагировал. Его рука и в это прикосновение оказалась теплой, а кожа приятно мягкой. Он склонил голову набок.

– И почему же ты, принцесса, хочешь отсюда сбежать? – спросил он.

– То же самое я могу спросить и у тебя. Или ты все-таки

вломился, чтобы что-то украсть?

Я демонстративно покосилась на его рюкзак. Он скривил лицо.

– Нет, мне надо в аэропорт.

Я ему поверила. Сама не знаю, почему. Может, у меня, как и у Скотти, интуиция ни к черту, но что-то в его взгляде меня задело. Я отогнала от себя это ощущение и слабо улыбнулась.

– А мне на вечеринку.

Разрывая зрительный контакт, я отвернулась и полезла сквозь проем в стене. Оказавшись с другой стороны, я выпрямилась и отряхнула джинсы. Мы все еще находились в слепой зоне видеокамер. Но тут она и заканчивалась, поэтому я подняла с земли камень, прицелилась и запустила его в направленную сюда камеру. Та повернулась и теперь снимала дерево. Я торжествующе подняла руку. Ева – 6, камера – 1. Только один раз ей удалось меня поймать – и то только потому, что я была пьяна и не смогла нормально прицелиться.

– Тут же узко! Как я пролезу? – приглушенно раздалось из-за стены.

Я наклонилась, заглянула в проем и встретилась с его взглядом.

– Либо попытаешься протиснуться, либо полезешь через стену, – предложила я.

– Ну, конечно, – фыркнул он. – В прошлый раз отлично ж вышло. Они меня сразу поймают.

– Не волнуйся, я нейтрализовала камеру. Не тyani, нам

лучше поторопиться.

Я встала и отошла на несколько шагов назад.

– Так, а что потом? – крикнул он.

Еще через мгновение я услышала, как подошвы ботинок и джинсовая ткань царапают по камню – Кингли карабкался на стену. Получалось гораздо ловчее, чем у Скотти. Я побежала вниз по дороге к кусту – к самому важному кусту! – чуть в стороне от асфальтированной дороги. Это ракурс захватывала только одна камера – и она все еще снимала дерево. Раздавшийся позади глухой удар подсказал мне, что Кингли перебрался через стену.

– Быстрее! – прошипела я, раздвигая в стороны ветки и листья, чтобы пробраться к «Веспе», которую я тайно приобрела год назад.

– Залезай! – сказала я, надевая шлем на голову и включая зажигание.

Кингли посмотрел на меня, потом на мотороллер, обреченно вздохнул и сел позади меня. Уже в следующее мгновение я оттолкнулась и почувствовала, как его руки крепче обхватили мою талию. Его близость на мгновение вывела меня из равновесия, и я резко дернулась. Кингли так крепко вцепился за меня, что я сама чуть не упала с «Веспы». Мы дружно вскрикнули, когда чуть не налетели на дерево. Тут я, наконец, собралась, восстановила контроль над рулем, и мы покатались по узкой тропинке, петляющей по лесу параллельно дороге.

– Извини, – сказала я, чуть оглядываясь. – Я впервые с пассажиром.

– Кто тебя научил водить?

– Сама.

– Успокаивает! – прокричал он мне в ухо.

Я надавила на газ. Мы подпрыгнули на переплетении корней, и несколько белок кинулись врассыпную по деревьям. В тот же миг я почувствовала вибрацию телефона в кармане. Наверное, кто-то из охранников или Такаши сообразили, что нас нигде нет. Но мы уже достаточно далеко уехали, так что сразу они нас не выследят. Я радостно принялась напевать гимн Канады. Ветер раздувал волосы с моего лица. За спиной я услышала фырканье Кингсли.

– Я отвезу тебя в Галифакс. Это ближайший аэропорт, – крикнула я.

Кингсли кивнул, по крайней мере, мне так показалось, но вдруг «Веспа» издала странный звук, слово начала задыхаться. Мы наткнулись на очередной корень, и, хотя я до упора жала на газ, ехали мы все медленнее и медленнее. Скрипя и петляя, мы продолжали катиться вперед. И вдруг наступила тишина – куда более громкая, чем гудящий до этого мотор.

– Что случилось? – Кингсли заглянул мне через плечо.

– Понятия не имею, – призналась я, поворачивая ключ в зажигании.

Двигатель коротко кашлянул и снова заглох.

– Ты забыла заправиться?

– Нет. Я же не дура, – резко ответила я, резче, чем планировала, и слезла с сиденья.

Кингсли последовал за мной, и мы оба в недоумении устали на мотороллер. Я опустилась на колени и осмотрела шины, но они не выглядели спущенными. Достала из кармана джинсов мобильник, сбросила уведомление о трех пропущенных звонках от Такаши и, включив фонарик, осветила «Веспу».

– М-м... – промычала я, обойдя ее вокруг.

– Что-то нашла? – спросил Кингсли.

– Нет. Ничего не понимаю.

Вздыхнув, я снова присела на корточки и вдруг увидела, что из-под откидного сиденья торчит маленькая ярко-желтая бумажка. Я вырвала ее, пробежала глазами и зарычала.

– Ах этот паршивый засранец!

– Что такое?

Я прочитала записку вслух. Кингсли слушал, нахмурившись.

– *«Я показал тебе проход на случай чрезвычайных ситуаций. Не для того, чтобы ты каждую неделю бегала на вечеринки. Я слил бак. Возвращайся домой. Скотти».*

– Скотти? – эхом повторил он. – Кто такой Скотти?

– Мой кузен, – сказала я и, запихнув записку в карман, несильно, но крепенько пнула «Веспу».

– Класс. И где мы сейчас находимся? – Кингсли скептически огляделся.

Что-то хрустнуло в подлеске, и он вздрогнул.

– Городской мальчик, а? – поддразнила я его и осветила темную лесную тропинку. Кингсли фыркнул.

– Житель асфальтовых джунглей. Но да, я не очень люблю деревья и вот это все... – Он указал на землю.

Не представляю, что он имел в виду, но выражение его лица заставило меня рассмеяться. Хотя ситуация была довольно дурацкая.

– Мы находимся примерно в получасе езды от Галифакса. Пешком займет больше времени, но просто иди прямо.

Я указала вперед. Некоторое время Кингсли молча смотрел на темный лес.

– А ты что будешь делаешь? – наконец спросил он.

Я прислонила «Веспу» к дереву и затянула развязавшиеся шнурки моих мартинсов.

– Пойду на вечеринку.

– Пешком?

– Это недалеко. Минут двадцать, и я на месте, – сказала я, указывая направо.

Его брови взлетели вверх.

– Одна? – спросил он.

– Плюс мое эго и подкупающее обаяние. Нас почти трое.

Мы справимся.

– Более странной принцессы я не встречал, – заявил Кингсли.

– Неужели ты встречал так много принцесс?

– Принцесса Пич из «Супер Марио» считается?

– Нет.

– Тогда нет, – признал он, и уголки его рта дрогнули.

Он скрестил руки на груди.

– Ну что ж, удачи, Кингсли просто Кингсли. Было приятно познакомиться и все такое, – сказала я и повернулась, но он удержал меня, качая головой.

– Ну это же несерьезно, принцесса...

– Ева, – прервала я его. – Меня зовут Ева.

– Допустим. Ты не можешь одна бродить по лесу.

– Почему это? – спросила я.

– Потому что ты принцесса?

– Как ты не устаешь отмечать. Ну и что?

– Это может быть опасно.

Я фыркнула.

– Мы в Канаде.

– Вот именно!

Я опустила глаза и посмотрела на его руку, которая сжимала мою.

– Слушай, это очень мило с твоей стороны, что ты так обо мне беспокоишься, но это не Нью-Йорк. Я знаю эти места как свои пять пальцев. Со мной ничего не случится, а в самом крайнем случае я всегда могу позвонить и позвать на помощь. Например, Закари, мой телохранитель, прибежит по первому чиху и от пули закроет, если понадобится, – пошутила я.

Кингсли застыл. В слабом свете моего телефона я мало что видела, но все равно заметила, что глаза его потемнели настолько, что золото в них затуманилось. А хватка стала крепче.

– Подожди. Закари – твой телохранитель? Закари Старр?

– Да. Уже лет сто.

Лицо Кингсли почему-то сделалось еще более встревоженным.

– Ты не имеешь права подвергать опасности ни себя, ни других. Если сейчас с тобой что-нибудь случится, это наверняка будет иметь последствия и для него.

– Со мной ничего не случится. Со мной никогда ничего не случается, – ответила я, и его хватка резко ослабла.

– Нет... Нет, так не пойдет. Ты должна вернуться, – заявил он.

– Нет, не должна, – натянуто ответила я, на всякий случай отступая назад.

Мне только этого и не хватало – застрять с чудиком в темном лесу. Кингсли провел рукой по волосам, выпуская из прически еще несколько прядей, которые упали на его угловатое лицо.

– Черт... Черт... Что же делать? – пробормотал он, оглядывая дорогу. – Так не пойдет, – снова сказал он громче и повернулся ко мне: – Ты не можешь сбежать, если у других из-за тебя будут неприятности.

Я посмотрела на него с насмешкой.

– Может, я ошибаюсь, но, кажется, ты делаешь то же самое.

– Да, но я не принцесса! Никто не потеряет работу, если я исчезну.

Он посмотрел на меня. Я приподняла одну бровь.

– Ясно. Ну тогда смотри, как это делает принцесса, – сказала я и, развернувшись, зашагала прочь.

– Принцесса! – крикнул он мне вслед.

– Ева. Меня зовут Ева! – раздраженно крикнула я в ответ, пробираясь через заросли.

Днем я каталась здесь на лошади, так что каждое деревце, бревнышко и ручей были мне хорошо знакомы. Если просто идти вперед, через какое-то время покажется старинное поместье Вандумов. Когда-то это был их охотничий домик. Кто был его законным владельцем, никто не помнил, но все утверждали, что являются его дальними родственниками. Прескот как-то сказал мне, что последний Вандум приходился родственником нашей семье, и что в свое время прославился коллекцией чучел животных и тем, что у него было восемь жен, и все они исчезли при самых таинственных обстоятельствах. Причем количество женщин варьировалось – так же, как и его имя и количество пальцев на руках. Иногда их было шесть, а иногда торчали только обрубленные фаланги – остальные он потерял, охотясь на своих жен.

– Принцесса! Подожди!

– Что?

Он начинал действовать мне на нервы. Со вздохом я обернулась и увидела, что он пробирается ко мне через заросли.

– Аэропорт в другую сторону. – Я снова указала рукой на Галифакс.

Он упрямо посмотрел на меня, и почему-то это выражение показалось мне до странного привлекательным.

– Я не могу тебя тут оставить одну. Давай вернемся, тогда я смогу...

– Что? Быстренько сбежать? Мальчик, поверь мне, если ты заставишь меня вернуться, мы оба там застрянем надолго. Я получу как минимум три недели домашнего ареста. Можешь представить, что они сделают с тобой. Возвращаться – не вариант. Прости.

– Зачем тогда ты это делаешь, если это принесет тебе столько неприятностей? – спросил он с удивлением.

Я вскинула руки вверх.

– Потому что в противном случае я ничего, кроме замка, в жизни не увижу! Буду сидеть безвылазно, заниматься рукоделием, музицировать и учиться вести светские беседы о политике и погоде и ждать, пока кто-нибудь на мне женится!

– Серьезно? – Он уставился на меня.

Я выдохнула, снова развернулась и, планируя изящно удалиться в ночь, врезалась лбом в дерево. Ой. Кингсли позади фыркнул. Он реально смеялся надо мной, но, когда я оглянулась со свирепым прищуром, он принял невинный вид.

– Я не могу оставить тебя одну. Это неправильно, – сказал

он твердо. Тихо.

Его голос проник в мои уши и растекся по телу, как сладкая карамель. И вот снова они: вверх по спине побежали мурашки.

– Мне не нужна нянька.

– А мне неприятности с принцессой. Но есть что есть. И я пойду с тобой на эту вечеринку.

– Сам себя приглашаешь, Кингсли? Разве ты не собирался обратно в Нью-Йорк?

– Могу улететь и завтра, – просто сказал он, догоняя меня.

Он держался на достаточном расстоянии, чтобы не касаться меня, но в свете фонарика от моего телефона я видела его резко очерченный профиль. Полные губы, резкий подъем скулы и черные, собранные в узел волосы. Интересно, на ощупь они такие же шелковистые, какими кажутся на вид?

– Может, вернемся? – спросил он, и в этот момент я поймала себя на том, что пялюсь на него как заколдованная.

Я поскорее отвернулась и зашагала прочь, нырнула под ветку и услышала вдалеке журчание ручья. Кингсли последовал за мной, бесшумно, как тень, хотя в лесу он явно чувствовал себя не в своей тарелке. То и дело поднимал голову, прислушиваясь к неизвестным звукам. Плечи его были напряжены, словно он ожидал, что из кустов в любой момент может выскочить медведь и напасть на нас.

– Говоришь, ты из Нью-Йорка? – сама не ожидая от себя, спросила я; мой голос эхом разнесся по лесу.

– Я из Манхэттена, – ответил он.

Я ждала продолжения, но его не последовало.

– А как ты попал из Манхэттена в Новую Шотландию? – допытывалась я.

Мы огибали густо поросшую мхом скалу, напоминающую спящего тролля.

– На самолете, – любезно пояснил он.

– Ирония – это низшее проявление остроумия, – съязвила я, и Кингсли весело хмыкнул.

– С моим ростом хоть что-то же я должен делать низко.

Я уставилась на него.

– Ты серьезно?

– А что такого?

Его глаза весело сверкнули. Золото в них было теплым и мягким, как и его губы. По крайней мере, так мне казалось, что они у него теплые и мягкие. Так они выглядели. Я открыла рот, но поняла, что забыла, о чем мы говорили, и решила сменить тему.

– Как ты попал во дворец? – спросила я, и искорка в его взгляде погасла.

– Там работает мой отец. Я должен был... Мне пришлось... Так вышло, что мне пришлось его навестить.

– И как долго ты продержался, прежде чем попытаться улизнуть под покровом ночи?

Я хотела пошутить, но он только недовольно скривил лицо и почесал затылок.

– Часов десять.

– Ничего себе! Конечно, я догадывалась, что с нами может быть скучно, но чтобы настолько? – Я рассмеялась, и он тоже улыбнулся.

Улыбка смягчила его черты, и золото в его взгляде стало ярче.

– Просто не мое это место, – наконец, ответил он.

Я кивнула.

– И не мое, – согласилась я, и он рассмеялся. – Почему ты смеешься?

– Извини, – сказал он, когда снова успокоился. – Минуту назад ты говорила об иронии и остроумии. Ощущения, что ты живешь не в своем мире, не складывается.

Я промолчала. Но почувствовала, как у меня внутри что-то переворачивается. Медленно и мучительно. Что он мог знать о том, кто я такая, как выглядит моя жизнь и чего я хочу? Ничего он не знал. Да и какой смысл спорить с практически незнакомым человеком? Я отогнала от себя неприятное чувство и пошла дальше.

– Эй! Слушай, извини, – сказал он, приподнимая ветку.

Я пригнулась под ней, стараясь не обращать внимания на то, что его извинения мне были приятны.

– За что? – просто спросила я.

– Тебе явно задели мои слова. Я часто начинаю нести всякую чушь, когда не знаю, что сказать. Я ведь тебя совсем не знаю, кроме, там, постеров и журналов. Я даже не знаю, как

к тебе обращаться, когда делать книксен и все такое. Вот я и нервничаю. – Он тихо рассмеялся.

Мне понравился его смех. Я остановилась и подняла палец.

– Если хочешь обращаться ко мне по всем правилам, тогда: ваше королевское высочество. И не книксен делать, а кланяться. Но я должна тебя предупредить: если ты хоть что-то из этого станешь делать, я буду вынуждена убить тебя и закопать вот под этим деревом. Пожалуйста, избавь нас от этой участи и потрудись называть меня Евой.

Мускул на его подбородке дрогнул.

– Я запомню, – пообещал он, и мы двинулись дальше, а еще через секунду он тихо добавил: – Ваше королевское высочество.

Ну что за невыносимый человек!

Между нами снова повисло молчание, но на этот раз явно более мирное. Казалось, он искал тему для разговора, когда перед нами показался обветшавший забор, настолько старый и хлипкий, что часть его валялась на земле. На нем висела обшарпанная табличка, гласившая: «Частный участок. Вход запрещен».

– Тут написано... – протянул Кингсли.

– Знаю. Мы почти на месте.

Я прошла мимо вывески и указала вперед. Если прислушаться, можно было уловить глухой звук басов. Чем дальше мы продвигались, тем ярче освещалась дорога, пока ночь

вдруг не прорезали дергающиеся зеленые огни.

Мы вышли на старую подъездную дорожку, густо заросшую с обеих сторон. Кингсли с любопытством оглядывался по сторонам. Тут и там среди зарослей виднелись старые мраморные статуи, словно призраки с отколотыми частями тела. Мы прошли мимо заброшенного, сплошь покрытого зеленым мхом фонтана, в центре которого виднелась фигура, раскинувшая, словно для объятия, в стороны обломки рук. Вокруг стояли десятки машин.

«Бугатти», «Астон Мартин», «Феррари», «Бентли» и «Мазерати». Дрожащий зеленый свет, падавший из заколоченных окон, плясал на лице Кингсли.

– Это и есть вечеринка? – спросил он. – Похоже на дом с привидениями из плохого ужастика.

На его лице отразилось такое чистейшее презрение, что я не смогла сдержать улыбку. Подошла к старой, покосившейся двери. Когда-то на ней была резьба, но она настолько обветшала, что узор уже не угадывался. В пульсирующем, пробивающемся сквозь щели свете казалось, что на ней были изображены скорчившиеся в муках человеческие тела. Звонка здесь не было, но был старинный дверной молоток, сделанный в форме головы зверя, и я без колебаний ухватила за него и постучала. Ничего не произошло. Я постучала еще раз, а Кингсли почему-то вдруг нахмурился и обернулся назад.

– Все в порядке? – спросила я.

– Да. Показалось, что увидел парня в противогазе, – растерянно пробормотал он.

Противогаз? Мне это совсем не понравилось. Я проследила взглядом за Кингсли, но в тот же миг дверь распахнулась с такой силой, что ударилась об и без того ветхую стену. Изнутри хлынула громкая музыка. Молодой человек прислонился к дверному косяку. Черные кудри вились вокруг привлекательного бледного лица. Мерцающий за его спиной свет окрасил его зубы в зеленый, когда он растянул губы в улыбке.

– Только посмотрите, кто вылез из своего дворца, – протянул он, заправляя кудрявый локон себе за ухо.

– Уильям, – поздоровалась я с братом Анастасии.

С ее старшим братом. С принцем Уильямом Сент-Эдвардом, если быть еще точнее. Правда, прославил его на всю Канаду, причем прославил печально, не его титул, а его безумные выходки, кутежи и скандалы. Хуже был, наверное, только Прескот.

– Где Скотти? Я его позвал лично, – сказал он.

Ага, так вот откуда Скотти узнал, что я собираюсь улизнуть. Засранец. Их с Уильямом связывало примерно столько же, сколько меня и его сестру Анастасию. Любовь, граничащая с ненавистью. Привычка. И странная смесь восхищения и презрения.

– Сильвер заболела. Он остался с ней. Передает тебе привет, – солгала я.

Уильям меня тут же раскусил.

– Врешь, – бросил он и затянулся сигаретой, распалая ее кончик.

Его взгляд переместился на Кингсли, и в его глазах появилось пренебрежение.

– А это кто?

Причина, по которой мне так жарко.

– Это Кингсли, мой...

– ...телохранитель, – быстро вставил Кингсли, протягивая руку.

Уильям с таким отвращением уставился на его татуировки, будто смотрел надохлую мышь, и Кингсли опустил руку.

– Телохранитель... Ну-ну... – Уильям выдохнул сладковатый дымок, а затем погасил окурок. – К сожалению, это закрытая вечеринка.

– Он нас не выдаст. Он просто меня сопровождает, – сказала я, и Уильям поджал губы.

– Как правило, я бы сказал «нет», но раз Скотти не пришел, не могу же я тебя оставить тут бродить в одиночестве. Да и нянчиться мне с тобой неохота. Так что входите. Но одно лишнее слово, и это будет последней вечеринкой, на которую я тебя пускаю, милая.

– Спаси... – начала я, но Уильям наклонился и медленно выпустил мне в лицо остатки дыма.

– Не так быстро. Сначала пароль.

Я вздохнула.

– Save sanem.

Он ухмыльнулся и призывно указал на окутанный туманом коридор.

– Добро пожаловать в поместье Вандумов. В проклятую охотничью хижину моего прапрадеда, – загадочно сказал он. Вокруг его ног крутился искусственный туман.

– Что значит «save sanem»? – шепотом спросил Кингсли, когда мы вместе переступили порог.

– Остерегайтесь собаки.

– Что?

Уильям подмигнул нам и, словно вампир, исчез в густом тумане и мигающем свете.

– Ты готов? – спросила я у Кингсли.

– К чему?

– Окунуться в мой мир.

Он хмыкнул.

– Мне стоит бояться?

Это прозвучало как вызов.

– Немного.

Я отвернулась, и вскоре старое поместье поглотило нас, и мы, как два призрака, растворились в ядовито-зеленом дыму.

Кингсли

Чем глубже мы продвигались внутрь поместья, тем гром-

че скрипели под ногами старые половицы. Во всяком случае, я полагал, что это были половицы – удостовериться я не мог, потому по полу стелился густой искусственный туман. Пульсирующий зеленый свет, точно лазер, бил мне в глаза. Стены были такие кривые, что казалось, будто они в любой момент могут рухнуть. Десятки мертвых глаз тарасились на нас: все пространство было уставлено и увешано чучелами животных. Прямо перед нами висела гигантская волчья голова. Пасть была раскрыта так широко, что виден был каждый зуб. Отсюда, наверное, и пароль, связанный с собакой.

Чувствуя себя не в своей тарелке, я стал оглядываться по сторонам. В старой, покрытой паутиной витрине сидел орел, за него цеплялся хорек. На полке ниже виднелся бобр, а над витриной висела голова зебры. Окутанные искусственным дымом, животные выглядели еще более зловещими. В глазах одного чучела кролика горели красные светодиоды. Жесть какая. Отовсюду торчали бледные, напоминающие кости, олени рога. На одном роге даже болтался лифчик.

Мы шли по коридору. Ева беззаботно пританцовывала. Ее темные волосы разметались по спине, и, когда она оглянулась и устремила на меня свои голубые глаза, она вдруг в самом деле показалась мне существом из другого мира. Феей, заманившей меня в свое царство.

Ты готов?

К чему?

Окунуться в мой мир.

Я содрогнулся. Не знаю, добрый ли это был знак. Телефон в кармане завибрировал. Опять. Так продолжалось уже около получаса. Двадцать пропущенных звонков, если быть точным. Закари явно уже готов был на стену лезть. Особенно после того, как узнал, что я с принцессой.

Черт, что я вообще здесь делаю? А главное, с кем? Как мог простой план настолько быстро кануть в небытие? Теперь уже и не придется тайно сбегать – они сами вышвырнут меня из дворца. Нужно вернуть принцессу домой. Как можно скорее. Если у меня будут неприятности, это одно, но если проблемы возникнут у Зака из-за того, что его подопечная пропала, да еще и при моем содействии, это совсем другое дело. Несмотря на наши с ним разногласия, я совсем не хотел усложнять ему жизнь.

Я был так погружен в свои мысли и столько сил направил на то, чтобы игнорировать гудение мобильного телефона в кармане джинсов, что чуть не врезался в чучело лисы. Я вздрогнул. Краем глаза я увидел, как силуэт Евы растворяется в клубящемся дыму. Музыка играла настолько громко, что у меня звенело в ушах. Разговаривать было практически невозможно.

– Принцесса! – все же крикнул я.

Естественно, мой голос утонул в глухих басах, и я следом за ней нырнул в плотную пелену тумана. Я попал в большую комнату, изначального назначения которой я определить не мог: может, гостиная? Людей здесь было так много,

что все стояли практически вплотную прижавшись друг к другу. Воздух был горячим и душным, пахло сексом, алкоголем и наркотиками. Старые пожелтевшие обои отслаивались от стен. С потолка свисала гигантская люстра из оленьих рогов. Высокие арочные окна были почти полностью заколочены досками, на которых красовались граффити. Ужасного качества. У меня зачесались руки, чтобы сделать из уродливой мазни что-то действительно отражающее дух этого места.

Самой странной деталью интерьера оказался торчащий из стены старый грузовик. Как будто какой-то умалишенный выжал до упора газ, намереваясь проехать гостиную насквозь, но план провалился – и грузовик наполовину застрял в стене. За рулем сидел скелет, как я искренне надеялся, ненастоящий. В его приоткрытые челюсти была вставлена сигара, а кабину украшали разноцветные, мигающие в такт басам гирлянды. Капот ржавого пикапа был открыт, а моторный отсек переоборудовали под бар. Но подавали там не дешевое пиво, а, если судить по сверкающим бутылкам, дорогой виски, вино и шампанское. Рядом стояли бутылки с настолько ядовито-зеленым содержимым, что это мог быть только абсент. Или детский лимонад.

Черт. Ева была права. Это был совершенно другой мир. И каждый волосок у меня на затылке встал дыбом. Я стал рассматривать гостей вечеринки: дорогие костюмы, короткие платья, блестящие туфли и сверкающие перстни с печат-

ками. Здесь резвилась не просто кучка подростков – а высшее общество Канады.

Справа от меня какой-то парень закурил косяк, и, прищурившись, я увидел, что вместо бумаги он использовал пятидесятидолларовую купюру. Чуть поодаль за столиком группа подростков, передавая по кругу предмет, недвусмысленно напоминающий пистолет, по очереди засовывали его себе в рот. Но, когда нажимался курок, из дула выплескивалась жидкость. Наверное, алкоголь. А может и что-то другое – один парень, выстрелив себе в рот этой смесью, согнулся вдвое, тяжело дыша. Остальные завизжали. Покачав головой, я перевел взгляд дальше – к группе, играющей в карты. Покер. Между ними на столе лежало больше денег, чем я когда-либо видел в своей жизни. Ну и ну!

Я обернулся. В углу стояло два больших потертых дивана-честерфилда. На них хаотично развалились тела. Один парниша – настоящий голливудский красавец – задрал ноги на ободранную дутую спинку дивана, а голову свесил вниз. Вытянув длинную шею, он затянулся тлеющей сигаретой. Он смеялся над чем-то, что сказала девушка, и... черт, эта девушка была Ева.

Сидя рядом с красавчиком, она взяла окурок из его губ, затянулась и выпустила дым. Ее лицо скрылось за клубом дыма, и я сам не заметил, как пересек комнату. Только что стоял у входа, а в следующее мгновение оказался перед ней. Ева взглянула на меня из-под ресниц и ехидно улыбнулась.

– Кингсли. Я уж думала, что ты заблудился, – сказала она, если я только правильно разобрал слова.

Парень, все еще свисая вниз головой, окинул меня пренебрежительным взглядом, от которого у меня волосы на затылке встали дыбом.

– Что это ты такое подцепила, Ева? – спросил он и, ловко перевернувшись, принял нормальную для сидения на диване позу. На его пальцах сверкнуло несколько колец.

– Дориан – мой школьный товарищ. Он встречается с Анастасией Сент-Эдвардс и проводит большую часть лета в Канаде, с тех пор как...

– ...появился на свет? – предложил ее школьный товарищ. Ева пожала плечами.

– А это Кингсли. Мой телохранитель, – представила она меня и похлопала по дивану рядом с собой. – Садись к нам.

– Уверена? – уточнил я. – Я не хочу мешать.

Дориан вытянул ногу и пододвинул одно из кресел.

– Ты не помешаешь. Садись, – сказал он, приглашая меня изящным движением руки.

Кольца на его пальцах снова сверкнули. После недолгого колебания я все-таки опустился в кресло, сбросил рюкзак и скрестил ноги. Дориан откуда-то достал колоду карт и начал тасовать их так быстро, что карты расплывались перед моими глазами.

– Сыграем партию? – спросил он.

– Смотря во что.

Его рот растянулся в улыбке. Один из клыков был немного острее остальных зубов.

– В «Бертон» с выпивкой. Мы тебя научим.

Он положил колоду на стол и указал на Еву. Та взяла верхнюю карту. Четверка червей. Дориан наклонился вперед, взял графин, в котором плескалась зеленая жидкость, и чуть-чуть наполнил хрустальный бокал.

– Четверка червей. У вас есть выбор, ваше высочество, секрет или четыре сантитра.

Ева вымученно улыбнулась, взяла из тонких пальцев Дориана бокал и одним глотком опрокинула его. Она слегка скривилась, а Дориан засмеялся и вытянул карту.

– Шестерка треф, – злорадно сказала Ева. – Выпьешь шесть сантитров или предпочитаешь оказать мне услугу?

Он фыркнул, наполнил бокал и медленно осушил его.

Несколько ярких светло-зеленых капель побежали из уголков рта, одна задержалась на его нижней губе.

– Теперь ты, – сказал Дориан, толкая колоду карт ко мне через стол.

– Черви – рассказываешь секрет, трефы – оказываешь услугу тому, кто слева от тебя, пики – отдаешь тому, кто справа от тебя, какой-то предмет одежды, а бубны...

– Дай угадаю, сделать что-то на спор?

Ева рассмеялась.

– Нет. Ты должен заплатить.

– Сколько?

– Зависит от числа. Каждая следующая карта дороже на сотню баксов.

Я выругался, и они оба рассмеялись. Взглядом она призывала меня играть, но во мне все воспротивилось. Не знаю, чего ожидал от этой вечеринки, но это явно был не мой круг, и мне совсем не хотелось, чтобы меня весь вечер тыкали в это носом. Я устался на колоду карт. Знал, что могу только проиграть – что бы мне ни выпало. Потому что пить я ни при каких обстоятельствах не собирался.

– Ну? Отказываешься? – насмешливо спросил Дориан и, подняв верхнюю карту, протянул ее в мою сторону.

Словно сам дьявол предлагал мне сделку. Ева напряженно переводила взгляд то на Дориана, то на меня. Я только собрался ответить, как к нам подошла какая-то девушка. Прямое темное каре доходило ей до подбородка. Все в ней было утонченное, какое-то заостренное. Вряд ли она была намного старше Евы, но я никогда не видел такого бесстрастного выражения у столь юного человека. Не сказав ни слова, она скользнула на колени красавчику и выхватила из его руки карту.

– Ана. Вот и ты, – мурлыкнул Дориан.

Она взглянула на карту и приподняла одну бровь.

– Двойка трэф, – сказала она и взглянула ему в глаза.

Ее наманикюренные пальцы скользнули по его волосам.

– Что я тебе должна?

– Поздоровайся со мной должным образом, – ответил До-

риан и, наклонившись к ней, поцеловал.

Зеленая капля с его нижней губы исчезла у нее во рту. Ева отвела взгляд. Ее щеки налились румянцем. Черт, неужели она влюблена в этого парня? Наконец они оторвались друг от друга, и на меня устремилась пара холодных глаз.

– Ева, кто это? – спросила девушка.

– Никто, Анастасия, – чуть слышно сказала Ева.

Девушка взглянула на меня с неприкрытым интересом.

– Приятно познакомиться, Никто.

Я только кивнул в ответ, а Дориан снова протянул мне стопку карт.

– Давай, Никто, твоя очередь.

Его глаза весело сверкнули, когда я мрачно потянулся к верхней карте. Она была прохладной на ощупь. Один угол слегка загнут. Когда я ее перевернул, Ева резко втянула воздух в рот. А Дориан громко рассмеялся.

– Не повезло новичку.

– Король червей.

Я бросил карту на стол.

– Что это значит?

– Это значит, – Дориан со стуком поставил передо мной хрустальный бокал и наполнил его зеленой жидкостью почти до половины. – Что ты либо раскрываешь нам свою самую страшную тайну – чего никто не знает и никогда не должен узнать, либо пьешь. До дна!

– А если я не сделаю ни того, ни другого?

– Тогда ты будешь проклят, и кто-то из твоих близких умрет, – сообщил Дориан.

Его глаза были почти такого же цвета, как зеленая жидкость в стакане. Едкие и прозрачные. Ева фыркнула. Ее глаза были немного стеклянными.

– Не пугай его, Дориан. Если он не хочет, ничего не случится.

– Ах, да? – Светлая бровь взлетела вверх.

У меня по коже побежали мурашки, и я медленно встал.

– Спасибо за игру. Я пойду.

Черт, это была ошибка. Какого черта я вообще здесь делал? Я должен быть в аэропорту, а не здесь. Я закинул рюкзак на плечо и повернулся, не совсем понимая, где здесь выход. Но я и шага не успел ступить, как меня схватили за руку.

– Куда ты собрался?

Ева взглянула на меня.

– Ухожу.

– Почему?

– Что мне здесь делать? Я ведь вообще «Никто», разве нет? – Это прозвучало чересчур иронично.

Она прикусила нижнюю губу, а потом кивнула.

– Я понимаю, но позволь угостить тебя перед уходом. В качестве благодарности.

Прежде чем я успел хоть что-то ответить, она потянула меня за собой. Я спиной чувствовал, что Дориан и девушка с каре пелятся нам в спины. Так оно и было. Когда я оглянул-

ся, они с подозрением наблюдали за нами. Я радостно показал им средний палец и позволил Еве оттащить себя к бару.

– Что ты хочешь? – крикнула она мне. Ее пальцы привычно прошлись по бутылкам. Она схватила два хрустальных стакана.

– Пиво? – Я безнадежно попробовал классику.

Ее зубы блеснули в зеленом свете. Рядом с нами о стену разбился бокал, и осколки разлетелись во все стороны. Ева даже глазом не моргнула, как ни в чем не бывало потянулась к бутылке и налила нам выпить. Содержимое переливалось золотом.

– Вот. На сто лет постарше пива, но провинциальнее напиток не существует в природе, – сказала она и опрокинула стакан залпом, а потом с размаху поставила на столешницу. Я сделал небольшой глоток: дымный виски, ничего общего не имеющий с тем пойлом, которое нам покупали в винных ларьках ребята постарше. Это определенно был качественный продукт. Такое обычно за решетками держат. Я сглотнул. Послевкусие было таким горьким, что меня аж передернуло. Ева снова наполнила наши стаканы, схватила меня за руку и потащила от барной стойки.

– Что ты хоч... – не успел я закончить свой вопрос, как она уже обхватила меня руками за шею и начала танцевать.

– Потанцуй со мной.

Она улыбнулась, и от этой улыбки у меня екнуло сердце.

– Ева. Нам пора идти, – наконец выговорил я, и почти сра-

зу в ее взгляде появилось разочарование.

– Хочешь – уходи. Я остаюсь, – крикнула она и начала было отстраняться, но меня вдруг охватил страх, что если сейчас отпущу ее, то она растворится в толпе и я уже не смогу ее отыскать, и поэтому я удержал ее и только крепче прижал к себе. Ее губы коснулись моего уха, и у меня внутри все перевернулось. Алкоголь обжигал мою грудь, язык прилип к небу.

– Ладно, но ненадолго, – уступил я. – А потом уйдем.

Она только рассмеялась и потащила меня глубже в толпу людей. Одним глотком я допил свой виски и не глядя поставил стакан на ближайший стол. Уже в следующее мгновение Ева запустила руку в мои волосы. Она явно ничего не стеснялась. Она начала танцевать. Ее бедра кружились, увлекая меня за собой. Ее дыхание горячо сливалось с моим, а ее близость пьянила меня сильнее, чем алкоголь.

Люди вокруг закричали. Где-то снова разбилось стекло. Ева откинула голову назад и с наслаждением закрыла глаза, двигаясь в такт музыке. Я не мог оторвать от нее взгляд, и вдруг почувствовал, что мой рот сам по себе растягивается в улыбке. Это была, наверное, самая странная ночь в моей жизни, но я все больше проникался атмосферой. Ева кружилась под музыку, на лбу у нее блестел пот. Она крутанулась так быстро, что волосы обвили ее тело. В это мгновение я заметил на полу бутылку, в следующую секунду Ева об нее споткнулась, и я схватил ее за талию, не давая упасть. Ее

спина выгнулась дугой, голова запрокинулась. Она рассмеялась, и ее пальцы благодарно погладили мои.

– Спасибо, – воскликнула она, когда я снова поднял ее.

– Пожалуйста, – шепнул я и заметил, что парень на диване все еще наблюдает за нами.

Когда наши взгляды встретились, он насмешливо приподнял одну бровь и медленно встал. Он направился к нам, словно хищник на охоте. Эту манеру я знал прекрасно. Видел ее десятки раз. У Декстера. Этот парень вообще напоминал мне Декстера. Более молодую, более легкомысленную и более самовлюбленную версию. Хоть Декстер и был моим лучшим другом, мне никогда не нравилось, как он обращается с девушками. За этими хищническими повадками всегда следовали слезы. Такие парни, как Декстер и Дориан, коллекционируют разбитые сердца, как трофеи.

Внутри меня с каждой секундой нарастало отвращение, причем такое сильное, что я сам удивился. Я притянул Еву к себе, заставив ее посмотреть на меня, и указал подбородком на покосившуюся старую лестницу, которая вилась вверх рядом с нами.

– Может, посмотрим, что там наверху? – предложил я.

– С удовольствием.

Ее глаза блестели.

Не расцепляя рук, мы прошли мимо Дориана к лестнице. Я специально держался так, чтобы ему не было видно Евы за моей спиной, чтобы он не мог поймать ее взгляд. Моя тень

практически поглотила ее, пока мы поднимались наверх.

Музыка здесь звучала немного тише – по крайней мере, можно было говорить, а не кричать. Искусственный туман, цеплявшийся за наши щиколотки, тоже исчез. Впервые с тех пор, как мы вошли в это поместье, я вздохнул. Но вскоре мы с Евой одновременно остановились и запрокинули головы вверх: лестница обрывалась на полпути к следующему этажу, а потертая ковровая дорожка, когда-то покрывавшая провалившуюся часть, свисала, как гамак.

Но Ева и бровью не повела, а молча прошла дальше и свернула в соседнюю комнату. Дверь криво висела на петлях. Осколки стекла хрустнули под моими ботинками. В центре почти пустой комнаты находился бильярдный стол. Вокруг стояли три парня и смеялись.

Когда мы вошли, они подняли головы и посмотрели на нас. На их лицах читался интерес, смешанный с раздражением.

– Ребята, мы вам не помешаем, – сказала Ева и прошла мимо них к окну.

– Ева, что..?

Она подмигнула мне, перекинула ноги через подоконник и прыгнула.

– Принцесса!

Я испуганно бросился к окну и быстро выглянул вниз. Она помахала мне с узенькой крыши. Я облегченно вздохнул.

– Идем! – позвала она и уселась в стоявшее на крыше

складное кресло.

– Сумасшедшая, – пробормотал я, но все-таки спустился и сел в кресло рядом с ней.

Какое-то время мы молча смотрели на ночное небо. Было одновременно так темно и вместе с тем ярко. Может, в Канаде просто больше звезд? По крайней мере, так казалось. Небо напоминало купол из танцующих светлячков.

– С картами нехорошо вышло, извини, – наконец, она первая прервала тишину, покачиваясь в шезлонге. Ее темные волосы падали ей на плечи. – Дориан может быть... резким.

Я кивнул.

– Вы с ним учитесь вместе? – спросил я, скользнув чуть пониже.

– Да, в «Бертоне». Я его знаю уже целую вечность, почти столько же времени, сколько и Анастасию.

– Снежная королева? Его девушка, да?

Она усмехнулась.

– Да.

– А ты... – Я осекся, раздумывая, стоит ли мне поднимать эту тему. – Тебе он нравится, этот Дориан?

Ева широко распахнула глаза и в следующее мгновение разразилась звонким смехом.

– Боже упаси! Они с Анастасией встречаются уже сто лет. И вообще я не имею привычки увлекаться такими нестабильными ребятами, как Дориан Уэствинг. Не родилась еще девушка, способная его приручить.

Она усмехнулась, и я почувствовал, как меня покидает напряжение, которого я и не замечал до этого момента.

– Хорошо, – тихо пробормотал я и наклонился к ней так, что мое дыхание коснулось ее губ. – Он тебя недостоин.

Смех застрял у нее в горле, она пристально уставилась на меня. У меня по коже побежали мурашки. Мы были так близко, что я чувствовал ее тепло. Ее взгляд на мгновение задержался на моих губах, и на ее щеках появился румянец, но улыбка осталась спокойной, когда она тихо ответила:

– Помимо того факта, что меня совершенно не волнует мнение незнакомца о том, чего я достойна, а чего нет, думаю, сейчас самое время сказать, что, хотя ты и правда чертовски привлекателен, мне сторожевой пес не нужен. Надеюсь, это понятно.

Ее глаза сверкнули, а румянец усилился, когда я наклонился еще ближе и шепнул ей на ухо:

– Понятно.

Я взглянул на ее губы, и либо у меня спонтанно началась сердечная аритмия, либо же я влип в неприятности похлеще. Потому что эти губы были пугающе идеальными, полными, изогнутыми и... недоступными. Эти губы – табу! Черт. А почему? Думай, Кингсли, думай!

– Сколько тебе лет, Ева? Четырнадцать? Пятнадцать? Вопрос прозвучал чересчур отчаянно. Чересчур грубо. Ева отстранилась от меня и подняла одну бровь.

– Через несколько дней мне исполнится шестнадцать, –

ответила она, стараясь звучать непринужденно, но недовольство все равно просочилось наружу, приглушая блеск на ее щеках. – Почему ты спрашиваешь?

– Потому, – просто сказал я и снова откинулся на спинку кресла. Наши локти соприкоснулись.

Ева откинула с лица прядь волос и снова придвинулась ближе.

– «Потому»? Может, ты хочешь меня поцеловать? – дерзко спросила она, смотря на меня из-под ресниц.

Господи!

– Нет, – выдавил я.

– Почему нет?

– Потому что я отвезу тебя домой в целости и сохранности, а потом уеду. Так что целуйся с кем-нибудь другим, – сказал я и быстро добавил: – Кроме Дориана Уэстинга!

Ева забавно наклонила голову и, прикусив губу, обдумывала свой следующий ход.

– Почему ты так хочешь уехать? – наконец спросила она.

– Из-за отца, – начал я, глядя на звезду, которая была ярче других. – Из-за всех этих разговоров, всей этой ерунды, о которой он хочет со мной говорить. Я его не знаю, не знаю его мир. И не вписываюсь в него. Как не вписывался никогда. Если останусь, то сто процентов психану, мы поссоримся, и в итоге нам обоим будет плохо. Из-за меня. Лучше уехать, пока все не испортилось.

Вышло намного честнее, чем я планировал. Я чувствовал

ее взгляд на своем лице. От линии подбородка до губ. Но сделал вид, что не заметил.

– Ну, если ты еще рассматриваешь вариант остаться, я была бы рада, если бы мы стали друзьями, Кингсли.

Она протянула мне руку. Светлую и мягкую. Удивленно моргнув, я осторожно пожал ее.

– Мне правда было приятно познакомиться с тобой сегодня, Кингсли... Как, еще раз, твоя фамилия?

– Старр, – тихо сказал я.

Ее глаза расширились.

– Старр? Твой отец случайно не...

Вопрос ей закончить не удалось. Ночную тишину разорвал странный звук, похожий на пронзительный рев. Что-то грохнуло. Слишком громко для естественных шумов вечеринки. Мы обернулись. Ева нахмурилась и встала.

– Что это было?

Я тоже поднялся.

– Пойдем проверим?

Она кивнула, взобралась по крошащемуся каменному фасаду в окно и исчезла в особняке. Куда ловчее, чем я ожидал. Я последовал за ней, и вместе мы пересекли опустевшую бильярдную, прошли по коридору и подошли к лестнице. Что-то щекотало мой нос. Ева чихнула. Кажется, туман внизу стал еще плотнее? Но только когда снова раздался громкий грохот, я понял, что меня насторожило. Музыка перестала играть; было слишком тихо.

– Что это... – начала было Ева, как вдруг рядом что-то треснуло. В одну из досок, приколоченных к окну, вонзился топор. Кто-то закричал.

– Это так и должно быть? – спросил я.

Ева бросила на меня нервный взгляд.

– Я не знаю.

Снова что-то грохнуло. Громко. Дерево разлетелось. А потом послышался хрип. У меня на затылке волосы встали дыбом. Он напоминал хрип умирающего. Или Дарта Вейдера. Искусственный туман рассеялся, и тяжелые черные сапоги пнули остаток дерева. За ним появились армейские брюки и длинный черный плащ.

Хрип становился громче, и в комнату вошел высокий парень. Его лицо было скрыто противогазом. Глаза закрывали два круглых черных стекла, а вентиляционные отверстия делали его похожим на насекомое. На плече у него покоилась бейсбольная бита. За ним вошли еще два парня. Один в уродливой мясисто-розовой маске свиньи, а другой – в маске лошади. Последний встряхнул баллончик с аэрозолем и вывел на стене сначала корону с тремя зубцами, а потом перечеркнул ее – так, что краска некрасиво потекла, после чего бросил на землю опустевшую банку. Человек в маске свиньи снял с плеча пистолет-пулемет и взвел курок. Звук был ошеломляюще громким.

Человек в противогазе тяжело дышал и, казалось, наблюдал за каждым в комнате. Я заметил несколько испуган-

ных, настороженных взглядов. Пальцы Евы вцепились в мою куртку.

– Кто это, черт возьми? – тихо спросил я. Ева только еще больше побледнела.

– Кингсли. Позвони кому-нибудь во дворец. Я думаю, это...

В тот же миг человек в противогазе заговорил. Его искаженный голос звучал глухо и неестественно, как в ужастиках.

– Мы из организации «Ешь богатых». Возможно, вы уже слышали о нас. В последнее время наша репутация опережает нас.

У меня по коже пробежали мурашки. Ешь богатых. Я буквально почувствовал запах краски. Вспомнил, как вывожу эти буквы на шкафчиках. Что там сказал Декс? Просто лозунг из интернета? Просто забава? Теперь это выглядело совсем не весело. Лозунг преступников.

– Мне очень жаль, что пришлось прервать вашу маленькую вечеринку, – продолжил человек в противогазе, снимая битку с плеча. – Это нападение. Я предупреждаю вас только один раз: вы делаете то, что мы говорим, и тогда с вами ничего не случится.

Он кивнул, и человек в маске свиньи поднял вверх пистолет и выстрелил. Один раз. Два. Три. Оглушительно громко. Все бросились врассыпную. Сверху посыпалась древесина. В потолке красовались три отверстия. Кто-то заплакал. Ева стояла белая как мел. Стараясь не привлекать к себе внима-

ния, я попытался закрыть ее собой.

– Все на пол. Руки прижать к полу ладонями вниз. Мы пройдем, а вы не шевелитесь. Чтобы ни единым пальцем, ни на миллиметр. Всем понятно? – хрипел искаженный голос из свиной головы.

Никто не ответил и не двинулся с места. Казалось, никто не знал, как реагировать. Никто не мог поверить в реальность происходящего. Откуда-то даже послышался нервный смешок.

– Всем понятно? – прорычал человек в маске свиньи и прицелился.

Хихиканье прекратилось.

– На пол. Живо! – спокойно сказал человек в противогазе, и на этот раз люди беспрекословно опустились на колени.

Я в ужасе оглянулся на Еву и оттеснил ее назад. Возможно, они нас еще не заметили и еще не поздно убраться отсюда тайком. Ева пошевелилась. Половица под ее ногой громко скрипнула, и голова человека в противогазе резко поднялась вверх.

– Стоять! – прохрипел он.

– Бежим! – взревел я и, схватив Еву за руку, рванул ее за собой.

Она охнула и, застигнутая врасплох, не сразу поймала равновесие. Позади парень в противогазе велел одному из своих соратников следовать за нами. Послышался громкий топот, а я все подгонял Еву, лихорадочно пытаюсь сообра-

зить, где бы нам спрятаться. Окружающая обстановка отпечатывалась у меня в сознании отдельными кадрами – с одной стороны, все казалось более резким и четким, но в то же время более сюрреалистичным, как бывает во сне. Коридор, дверь, обои, стена. Куда бежать?

– Лестница! Прыгаем вверх, – наконец решил я.

Ева резко втянула ртом воздух.

– Ты в своем уме?

– Я тебе помогу, – сказал я, разбежался и прыгнул.

Было недалеко, и, хотя я регулярно занимался паркуром, мой желудок все-таки скрутило в узел, когда пространство между ступенями лестницы распахнулось, словно открытая рана. Я тяжело приземлился и тут же обернулся к Еве, которая все еще стояла в нерешительности, широко раскрыв глаза.

– Прыгай! – скомандовал я, и тут же позади нее показался человек в маске свиньи.

Ева сгруппировалась, оттолкнулась и прыгнула. Ее волосы взметнулись за спиной, как флаг. Я подался вперед и схватил ее, помогая ей приземлиться. Мы замешкались. Дерево на краю скрипнуло, кусок отломался и полетел вниз. Я посмотрел вслед обломку, и тут мой взгляд наткнулся на пару глаз. Дориан. Он подал мне знак уносить ноги. Я кивнул и, не выпуская Евиной руки, бросился бежать. Позади нас сипел парень в маске свиньи. Его дыхание звучало почти как хрюканье. На ходу я достал телефон и позвонил отцу. Ева

дрожала, а я продолжал тащить ее все выше и выше. Отец ответил после второго гудка.

– Черт возьми, Кингсли, где ты...

Я не дал ему договорить. Пот струился у меня по спине, скорее от страха, чем от напряжения.

– Мы с принцессой Евой находимся в старом особняке в лесу. Сюда ворвались люди, говорят, они из организации «Ешь богатых». У них с собой огнестрельное оружие. Потропитесь!

Нужно отдать Закари должное: он ни секунды не колебался.

– Прячьтесь. Мы сейчас приедем, – просто сказал он и повесил трубку.

Я убрал телефон в карман и огляделся в поисках укрытия; повсюду были двери, но пол под нашими ногами так сильно скрипел, что, казалось, мог в любую минуту проломиться. Вдруг позади нас раздался шаркающий звук. За ним последовал громкий хрип. А в следующее мгновение щелчок оружия.

– А ну стоять, маленькие засранцы!

Ева

Мое сердце стучало так сильно, что я чувствовала, даже как в языке пульсирует кровь. Когда человек в маске направил на нас пистолет, я вздрогнула и прижалась к Кингсли,

который тут же встал передо мной, и затаила дыхание. За все годы самое страшное, что со мной случилось, – это парочка птиц, которые пытались пробиться ко мне в окно. Сейчас же мне грозила реальная опасность. Такого страха я никогда раньше не испытывала. Он пробирал меня до мозга костей. Что-то во мне надорвалось. Меня охватила дрожь, и я не знала, смогу ли сделать еще хоть шаг.

– Вниз! – Парень махнул пистолетом.

Кингсли скривил лицо.

– Я уже связался с полицией. Так что на вашем месте я бы сейчас уносил отсюда ноги.

Он держался спокойно, почти насмешливо, но я чувствовала, как сильно он напряжен. Парень в маске рассмеялся.

– Мы исчезнем до того, как копы появятся здесь. Мы просто хотим... – Он резко замолчал, а потом вдруг удивленно присвистнул. – Какие люди... Неужели принцесса Эванджелина собственной персоной?

Он указал на меня.

– Ни шага вперед, – прорычал Кингсли, словно выплевывая слова одно за другим.

Парень снова рассмеялся. Как мне хотелось, чтобы он смеялся от того, что все это шутка. Но это не было шуткой. Наоборот, казалось, что он очень серьезен и прекрасно знает, что делает.

– Это ж я джекпот сорвал. Мы-то просто хотели одну мысль донести, а теперь поступим иначе: ты ложишься на

пол и не двигаешься, а принцесса идет с нами, – приказал парень.

Пистолет по-прежнему был зажат в его руке. Кингсли не спускал с него глаз, а я только крепче прижалась к его спине.

– Подойди ближе, и я запихну тебе в глотку твою уродливую маску, – прошипел Кингсли.

В ответ парень только хмыкнул, поднял пистолет и положил палец на курок.

– На колени! – прорычал он.

Я закричала. По крайней мере, мне так показалось.

Кингсли едва заметно повернулся.

– Не надо! – вырвалось у меня.

– Доверься мне, – прошептал он.

Его взгляд пронзил меня. Всего на мгновение. Затем он медленно отпустил меня и без всякого предупреждения кинулся вперед на человека в пороссячей маске. Ударил его плечом в живот. Тот хрюкнул и нажал на курок.

Я пригнулась, чувствуя, что делаю это слишком медленно, а когда оглянулась, прямо рядом со мной в стене зияла дыра. Кингсли зарычал и бросился на парня, как в американском футболе. Они сцепились и повалились на пол. Половицы затрещали. Кингсли выбил у парня пистолет из руки, тот отлетел на приличное расстояние.

– Хватит. Кто ты... – вскричал Кингсли и потянулся сорвать маску с лица незнакомца, но тут треск стал громче. Он не прекращался все это время, но из-за пульсации в ушах я

просто его не воспринимала. Это трещал пол. Трещал громко. Повсюду потянулись расщелины.

Кингсли замер. Его взгляд устремился вниз. Трещин становилось все больше и больше. Они делались все шире и шире.

– Ева! Иди в комнату! – крикнул он мне.

Парень под ним выгнулся и с такой силой сбросил с себя Кингсли, что тот, задыхаясь, ударился о половицы. Этого хватило. Гнилая древесина поддалась. Она трещала, ломалась, и в следующее мгновение я почувствовала, как дерево разваливается под моими ногами. Я упала.

Острая, жгучая боль пронзила мне ногу. В кожу впивались занозы. Я вскрикнула и в панике подняла глаза. Кингсли бежал ко мне. Пол под нами обваливался. Снизу раздавались испуганные крики. В следующее мгновение меня схватили сильные руки, я крепко вцепилась в Кингсли, и вместе мы полетели вниз. Удар выбил у меня из легких воздух, хотя Кингсли смягчил мое падение.

Раздался треск. Я подняла глаза: над нами разламывалась треснувшая посередине гнилая балка. Кингсли, должно быть, тоже это заметил и отпихнул меня в сторону как раз в тот момент, когда балка разломилась надвое и большая ее часть полетела вниз. Но было уже слишком поздно. Что-то ударило меня в висок. Жгучая, острая боль пронзила мою голову, а потом все потемнело.

Кингсли

– Ева! – крикнул я и, тяжело дыша, принялся вытаскивать ее из-под балки, которая, к счастью, упала на нее не всем своим весом. – Я тебя вытащу. Я тебя не брошу, – успокаивал я Еву.

Возможно, отчасти я успокаивал и самого себя, потому что Ева выглядела мертвенно-бледной. По лбу струилась темно-красная полоска, ее веки трепетали, как будто она вот-вот потеряет сознание.

– Так... – прошептал я и огляделся.

В полу зияла большая дыра. Дерево стонало и скрипело. Нам нужно поскорее убираться отсюда. Я осторожно поднял Еву на руки и отошел от дыры. Скрип усилился, и я застыл. Сердце колотилось как сумасшедшее. Черт. Что же делать? Я медленно отошел к стене, опустился на пол и прижал Еву к себе. Дрожащей рукой я выудил из кармана штанов мобильник и позвонил отцу. Гудки на другом конце звучали бесконечно.

– Сын?

Закари.

Услышав его голос, я вздохнул с облегчением.

– Нам нужна помощь, – прохрипел я.

– Мы уже здесь, – ответил он, и мне показалось, что я и в самом деле слышу вой сирен. – Где вы?

– Наверху. На втором этаже, но часть его обвалилась. Мы застряли. Принцесса ранена. Ей срочно нужна медицинская помощь.

– Две минуты, – ответил Зак и повесил трубку.

Я дрожал всем телом, отчаянно сжимая в руке телефон и прижимая к себе Еву. Ненавижу чувствовать себя беспомощным. Но в этот момент это единственное, что мне оставалось: прижимать ее к себе и ждать. Казалось, так прошла целая вечность.

Внизу стало тише, но какие-то голоса еще доносились оттуда. Я не обращал на них внимания. Я склонился над Евой и убрал волосы с ее лица. Надеюсь, она не сильно пострадала. Перед глазами мелькали одни и те же картинки: вот под нами проваливается пол, вот я пытаюсь оттолкнуть Еву подальше от опасности, и вот она лежит под балкой.

Ева была бледна и неподвижна; у меня сдавило горло, было трудно дышать. Желчь подступила к горлу, и я понял, что со мной говорят, только когда кто-то тряхнул меня за плечо.

– Кингсли?

Я рывком поднял голову. На меня смотрела пара глаз карамельного цвета. Глаза моего... Закари. Словно тень, он опустился передо мной на колени. Дым и пыль кружились вокруг него.

– Сын. Посмотри на меня. Ты ранен?

Вдруг я испугался: не злится ли он на меня? Я попытался найти подсказку в его взгляде, но наткнулся на темную стену.

– Кингсли, – повторил он громко и отчетливо.

Я вздрогнул. Шок. Наверное, я был в шоке. Ведь не каждый день за тобой гонятся с пистолетом. А может, уровень сахара в крови упал... или... мало ли что.

– Я в порядке, – пробормотал я наконец.

И сам прислушался к своему голосу. Пытался понять и почувствовать, так ли это на самом деле. Закари облегченно кивнул.

– Хорошо. Давай я ее возьму. Скорая уже здесь, – сказал он и потянулся к Еве, и я, не отдавая себе в этом отчета, только сильнее притянул ее к себе.

– Эти уроды из «Ешь богатых»... – вырвалось у меня.

Закари перебил меня:

– Когда мы приехали, их здесь уже не было. Несколько человек пострадали, когда обрушился потолок. Теперь нужно позаботиться о принцессе.

Его голос стал мягким, взгляд потемнел.

– Ты хорошо о ней позаботился. Теперь наша очередь.

Он потянулся к Еве, и на этот раз я разжал хватку. Она выскользнула из моих рук, как вода или шелк. Только более осязаемая. Со мной остался ее аромат, а на руках запеклась ее кровь.

– Пап... – начал я, но он покачал головой.

– Не сейчас, Кингсли.

И я замолчал. Мне вдруг стало очень страшно, что я вижу принцессу в последний раз.

Ева

«Вчера вечером высшее общество Канады постигла трагедия. На закрытом торжестве на гостей напали трое неизвестных в масках. Ответственность на себя взяло радикальное протестное движение “Ешь богатых”, выступающее против капитализма и правящих кругов. Личность вдохновителя этой организации до сих пор не установлена. В результате нападения несколько человек были ранены, в том числе и принцесса Эванджелина Блумсбери.

В своем официальном обращении принц Оскар выразил беспокойство по поводу набирающих обороты протестов в стране. Как сообщает Королевский дом, принцесса находится в больнице и восстанавливается после пережитого. Запланированные торжества по случаю шестнадцатого дня рождения ее королевского высочества официально отменены».

– Пожалуйста, выключи.

Прескот бросил на меня обеспокоенный взгляд, но просьбу мою исполнил, и я увидела свое отражение в черном матовом стекле телевизора. К счастью, мне уже разрешили снять больничную сорочку, и я сидела в своей собственной пижаме, но все равно это зрелище заставило меня вздрогнуть. Я выглядела ужасно. Растрепанная коса на плече и пластырь на лбу, под которым, несмотря на болеутоляющее, пульси-

ривала зашитая рана. Болели и ребра, которые, к счастью, не были ни ушиблены, ни сломаны.

Прескот выглядел не лучше. Он сидел в обнимку с коробкой бумажных платков и с грелкой на голове. Ну чисто двое из ларца. Даже трое, если считать наряженного крошечным медбратором Сэра Генри, который сидел вразвалочку и вылизывал себе яички.

Было бы смешно, если бы у меня не так сильно гудела голова.

– Мне очень жаль, Ева. Я знаю, как ты ждала дня рождения, – пробормотал Скотти.

У меня на глаза навернулись слезы. Горячие, жгучие.

– Да и ну его к черту, – ответила я и откинулась на гору подушек, заставляя себя не думать о вчерашнем дне.

Не думать ни о масках, ни о хрипе, ни о... Я подавила всхлип. Никаких вечеринок мне больше не хотелось.

– Но хорошо, что ты отделалась только одной рваной раной. Мы... Не знаю, как бы я перенес, если бы с тобой реально случилось что-то плохое, – хриплым голосом сказал Скотти и яростно утерся носовым платком.

Я не спала с самого утра, как очнулась в больнице с гудящей головой, прошла бесчисленное количество различных обследований и сейчас чувствовала себя примерно так же жалко, как выглядел Прескот.

– Как дела у Уильяма, Анастасии и остальных? – устало спросила я.

Хотелось услышать что-то, кроме собственных мыслей.

– Нормально. Отделались испугом. Уилл передал тебе конфеты, но я нечаянно сел на них, и эм... – он смущенно вытащил из-за спины сплюснутую коробку и сунул ее мне.

Я открыла крышку и безо всякой радости взглянула на раздавленные конфеты. Из одной вытекла марципановая начинка – вид такой, как будто конфету вырвало. На глаза мне снова навернулись слезы. Прескот лихорадочно огляделся по сторонам, а потом быстро достал из коробки носовой платок и подал мне.

– О, не плачь, милая. Мы все равно отлично отпразднуем. Все придут, и...

– Нет! Не говори этого, – перебила я. – Я знаю, вы пытаетесь не винить меня, но ведь мы все понимаем, что это несправедливо. Я сбежала и теперь расплачиваюсь за свой поступок. Вот и все. – Я фыркнула и сердито вытерла слезы.

Прескот открыл рот, но я не дала ему произнести ни слова.

– Бабушка отправит меня обратно в «Бертон», причем как можно скорее. А до тех пор меня ни на шаг не выпустят из дома, а если и выпустят, то только в окружении десятка телохранителей, потому что по городу бегают сумасшедшие и играют в Робин Гуда. У меня болит голова, ребра, и скорее всего на лбу останется шрам. Маму с папой волнует только их кровавый развод, а вы с Сильвер на следующей неделе уезжаете в Майами. А я? Я буду торчать в гребаной Брита-

нии, пока кто-нибудь не вспомнит обо мне и не выдаст меня замуж за какого-нибудь шейха. Это просто катастрофа!

Испуганный моим яростным ревом, Сэр Генри вскочил с кровати и залаял на стул. Прескот уставился на меня красными глазами и чихнул.

– Это...

– ...правда! До последнего слова. И не пытайся меня переубедить, – бросила я, внезапно чувствуя, что мне не хватает воздуха.

Пот струился у меня по спине, а одеяло тяжелым грузом лежало на моих ногах. Я в ярости спихнула его и сползла с кровати.

– Что ты делаешь?

– Пить хочется, – выдавила я и, спотыкаясь, зашагала к выходу.

– Давай позвоним, нам принесут...

Дверь за моей спиной хлопнула, заглушая слова Прескота. А Сэр Генри, успевший выскочить из палаты вместе со мной, взглянул на меня и тихо гавкнул. С трудом переводя дыхание, я прислонилась к двери и уставилась на свои босые ступни. Одна за другой слезы скатывались по щекам и падали вниз на уродливый пол. Это хрипение, маски, зеленый туман.

Меня передернуло.

– Все в порядке, принцесса? – прозвучал рядом тихий голос.

Всхлипнув, я подняла голову и заглянула в пару дружеских глаз.

– Закари, – смущенно выдавила я и быстро вытерла слезы. – Что ты здесь делаешь?

– Охраняю вас, принцесса.

Его улыбка стала шире, морщинки вокруг глаз четче, и я увидела телохранителя, которого, как мне казалось, знала всю свою жизнь. Моим самым первым воспоминанием было то, как он сажает меня себе на плечи, чтобы я смогла до чего-то дотянуться. До чего, я уже не помню, но помню его твердую, крепкую хватку. Прескот рассказывал мне, что я довольно долго называла Закари папой. Порой мне и в самом деле хотелось, чтобы Закари был моим отцом. Мой настоящий отец заглянул ко мне на минутку – только пригрозил, что до конца жизни не выпустит меня из-под домашнего ареста. Закари понимающе посмотрел на меня и, наконец, достал носовой платок. У него всегда был с собой. С благодарностью я взяла его и высморкалась.

– Я... Захотелось попить, – пробормотал я наконец.

Закари не стал спрашивать, почему я не выпила воды из умывальника в палате или не попросила, чтобы мне принесли. Он только кивнул и встал рядом со мной.

– Я вас провожу.

До кулера было всего несколько шагов. И пока я их преодолевала, он оставался рядом со мной. Он молча ждал, пока я достану пластиковый стаканчик и наполню его водой.

Пару мгновений я наблюдала за льющей струей, а потом нерешительно подняла глаза.

– Закари...

– Да?

– Насчет Кингсли...

Я заметила, что он едва заметно напрягся.

– Я хотела бы еще раз поблагодарить его, – пробормотала я.

– В этом нет необходимости. Королева уже сделала это от своего имени. Вам не о чем беспокоиться, принцесса.

Я кивнула.

– И все-таки мне хочется сделать это еще раз, лично. Возможно будет увидеть его завтра? Или он... Он уже не здесь?

Закари выглядел несчастным.

– Он улетит обратно в Нью-Йорк, да.

– Когда?

– Это еще не решено. Но я не думаю, что он захочет остаться.

– Понятно. – Стакан переполнился. Я быстро выключила воду и сделала небольшой глоток. – Не мог бы ты все же передать ему, что я бы хотела его увидеть? Он меня... – У меня на мгновение перехватило дыхание. – Мы же чужие друг другу люди, а он все равно попытался меня защитить. А ведь не должен был этого делать.

Я почувствовала, как мои щеки становятся горячими, и взглянула на Закари из-под опущенных ресниц. Закари хму-

ро посмотрел на меня, уголки его рта озабоченно напряглись, и все-таки он кивнул.

– Разумеется. Однако я хочу быть с вами откровенен. Я буду очень обеспокоен, если вы решите укрепить свою... дружбу с моим сыном.

– В смысле?

В растерянности я уставилась на Закари. Он сжал губы в узкую линию и как будто боролся сам с собой: сказать, что хочет, или нет. Наконец он решился и серьезно посмотрел мне в глаза.

– Принцесса, Кингсли приехал сюда не просто отдохнуть, а потому что оступился, и оступился серьезно, в Штатах. Он приехал сюда, чтобы пересмотреть свое поведение. Он хороший парень, но очень импульсивный, дикий, легкомысленный. Он слишком высокого мнения о себе и не имеет никакого опыта в общении с членами королевской семьи. Я не хочу, чтобы он, не дай бог, сделал что-то, что могло бы причинить вам боль. Пусть даже и ненамеренно.

Мы уставились друг на друга. Голова раскалывалась. Неужели Закари пытался сказать, чтобы я держалась подальше от его сына?

– Я запомню, – пообещала я, и он заметно расслабился. – Но, пожалуйста, все равно скажи ему, чтобы он встретился со мной завтра. В семь часов, во дворце у голубого чайного зала.

Зак колебался с мгновенье, но в итоге кивнул, хотя и без

всякого энтузиазма.

– Я передам ему.

– Прекрасно.

Я повернулась и пошла со стаканом воды в руке в свою палату. Закари следовал за мной, как тень. Внутри меня ждал совершенно измотанный, сопящий Прескот. Со вздохом я укрыла его и легла рядом. Еще одна таблетка обезболивающего, и мне удалось заснуть.

Кингсли

– Доброе утро, Кингсли.

Пробормотав в ответ что-то нечленораздельное, я налил себе чашку кофе и опустился на стул в маленькой кухне Закари. Из окна падал тусклый утренний свет. Пыль, сверкая, танцевала в воздухе. Слышалось щебетание птиц, пахло свежескошенной травой и морской солью.

– Выспался? – спросил Закари, уже одетый в свой черный костюм, отрываясь от газеты.

– Здесь слишком тихо, – честно ответил я и глотнул кофе.

Я постарался припомнить, когда видел в последний раз, чтобы кто-то читал настоящую бумажную газету, но в памяти ничего не всплыло. На первой полосе красовалось сообщение о нападении. Как, наверное, и во всех газетах мира. Символом с перечеркнутой короной пестрели абсолютно все новостные ленты. Причем никого из виновных еще не

поймали, хотя «Ешь богатых» официально взяли ответственность за нападение на себя. Почему? Непонятно. Но главное было не это: чем больше статей я читал о нападении, тем сильнее убеждался, что волнует людей не столько само нападение, сколько сделанное нападавшими заявление. Они хотели, чтобы их увидели. Хотели вызвать панику, неуверенность, а возможно, даже гнев одних и одобрение других. Страна раскололась. Мир раскололся, и «Ешь богатых» присосались к этому разлому, как опарыш к испорченному мясу.

Зак серьезно посмотрел на меня. Он уже позавтракал – на столе перед ним стояла пустая тарелка. Я опустил глаза и стал изучать оставшиеся на тарелке крошки.

– Как она? – наконец, спросил я.

Закари вздохнул и отложил газету.

– В соответствии с обстоятельствами. Ее вчера выписали.

– Хорошо. Это хорошо, – пробормотал я, продолжая смотреть на стол.

Хотелось спросить, можно ли будет с ней увидеться, но слова не шли из горла. Я молчал, пока Закари не заговорил:

– Твоя мама звонила вчера.

– Знаю. Мне она тоже звонила.

Несколько раз. Но я не смог взять трубку. Просто не знал, что сказать. Не знал, с чего начать. То ли попроситься обратно в Нью-Йорк, то ли – и эта мысль как раз и парализовала меня – умолять ее разрешить мне остаться здесь. Еще хотя бы на какое-то время. Всего на несколько дней, чтобы

убедиться, что с ней все в порядке.

Какого черта? Что за бред?

Выдерживать взгляд Зака становилось все тяжелее. Я не мог определить, с каким выражением он на меня смотрит. Может, потому что он прекрасно умел делать непроницаемое лицо, а может, потому что, несмотря на нашу биологическую связь, он был для меня практически чужим человеком.

– Могу тебя кое о чем спросить?

Вместо ответа я отхлебнул кофе из чашки.

Сейчас начнется. Сейчас он будет орать на меня за то, что я пытался сбежать. За то, что позволил Еве подвергнуть себя опасности. Я ждал этого с тех самых пор, как мы вернулись позавчера среди ночи. Но этого до сих пор не произошло.

Инцидент он вообще упомянул один-единственный раз – во время короткой аудиенции у старой королевы, которая поблагодарила меня за то, что я спас ее внучку. Я-то ждал, что мне сейчас вручат медаль за отвагу, а на деле мне подсунули соглашение о неразглашении, и я, кажется, на трех сотнях страниц расписался, что ни слова не пикну о случившемся. После этого меня любезно выпроводили из огромного кабинета и позвали Закари.

Не знаю, что они там обсуждали, но Закари с тех пор стал еще молчаливее, и больше от королевской семьи вестей не было.

Конечно, хотя я и был рад, что у принцессы все в порядке, на звание фаната королевской семьи я претендовать не мог.

У них тут все не в своем уме

– Кингсли? – снова позвал Закари.

Ну почему он не может просто взять и задать свой вопрос? Загадка. Я сдержал вздох и сделал еще один глоток кофе. Пусть расценивает это как хочет. А захотел он, судя по всему, расценить это как «да». Он осторожно оперся локтями о кухонный стол и заглянул мне в лицо. Словно пытался там что-то найти. Что – я не знаю.

– Что ты планируешь делать, если тебя не примут на учебу, куда ты хотел? – наконец спросил он.

Опять ни слова о моем побеге. Ни единого.

– Пойду в колледж, – сказал я.

Зак медленно кивнул, по-прежнему не сводя с меня глаз.

– Ты рассматриваешь еще какие-то варианты, кроме университета?

По его голосу я слышал, как сильно он старается подобрать нужный тон, но все равно резко вздернул подбородок и скрестил руки на груди.

– Ни о чем другом не может быть и речи. Я возвращаюсь в Нью-Йорк.

Я ведь возвращаюсь в Нью-Йорк, да?

Да!

Да.

Да?

...

Зак снова кивнул.

– Твоя мама очень о тебе беспокоится. Вот я и подумал, возможно, тебе не помешают какие-то запасные варианты.

– Откуда бы им взяться? – спросил я, раскачиваясь на стуле.

Зак некоторое время молчал, глядя в свою чашку с кофе. Видимо, уже пожалел, что затронул эту тему. Вот и правильно. Как будто у него есть право рассуждать о моем будущем, в котором ему не было места. Однако то, что толкнуло его завести этот разговор, не позволило ему остановиться.

– Мой старый друг, – продолжил он, – Гарри МакКейн, возглавляет отличную компанию в Майами. Они готовят сотрудников службы безопасности. Я поговорил с Гарри, и, если ты хочешь, если тебе понадобится запасной вариант, он предоставит тебе место.

Я уставился на Зака. Не был уверен, что понял его правильно. Я с грохотом вернул стул на место.

– Ты предлагаешь мне стать телохранителем?

Я не мог скрыть изумление в своем голосе. Зак оставался совершенно серьезным.

– Мне кажется, после того, что произошло и как ты отреагировал, это вполне разумная мысль.

– Это все? – спросил я.

– Что все?

– Я сбегая от тебя, и тебе нечего сказать по этому поводу?

Закари молчал. Вопрос повис между нами.

– Почему же. Мне есть, что сказать по этому поводу, но

права обвинять тебя нет, – наконец спокойно ответил он. – Но я был бы рад, если бы ты поговорил со мной, дал мне больше, чем один день, а не просто сбежал.

Я аж рассмеялся от удивления.

– А сейчас? Ты серьезно хочешь сказать мне, что у моего поступка не будет последствий?

Между его бровями появилась морщина, плечи напряглись.

– Конечно, последствия будут, – сказал он мягко, почти по-доброму.

Он был так не похож на маму. Она бы уже давно орала на меня по-испански. Сейчас я бы не раздумывая предпочел ее крик.

– И какие же? – спросил я.

– Оставаться или нет – решать тебе. Мы с мамой едины во мнении, что, если ты настолько хочешь уехать, мы не будем тебя заставлять. Так мы только навредим тебе. Но у тебя больше не будет возможности общаться с принцессой.

– Я... Что?

– Еве запрещено покидать дворец, а тебе – входить в него. Если захочешь остаться, будешь работать на территории. Но королева ясно дала мне понять, что во дворце тебя видеть не желают.

Я был готов к чему угодно, но не к этому. Ведь королева ни словом не обмолвилась об этом во время моей короткой аудиенции!

– Я спас ее, – ошеломленно возразил я.

Ошеломило меня еще и то, насколько сильно меня поразила эта новость.

– Я знаю.

– Я просто пытался помочь.

– Надеюсь, что так.

– Не мог же я оставить ее одну в лесу.

– Понимаю.

– Тогда почему, черт возьми, мне нельзя приближаться к ней?

Закари спокойно ответил на мой взгляд, и меня бесило его спокойствие.

– Принц Оскар, отец Евы, не хочет, чтобы вы общались.

– И что ты об этом думаешь? – спросил я.

Он поднялся со стула и отнес свою тарелку в раковину.

– Я понимаю, что ты расстроен, – сказал он. – Но я согласен с принцем.

– Почему?

Он обернулся, и наконец я увидел в его взгляде не спокойствие, а что-то другое. Он выглядел грустным. На лице появились морщины, которых раньше не было.

– Все имеет последствия. Мне жаль. Я сегодня работаю до вечера. А ты пока подумай, и, если решишь уехать... – Он осекся. – Буду благодарен, если сообщишь мне об этом заранее. Я отвезу тебя в аэропорт.

С тихим щелчком за ним закрылась дверь, и я остался

один в маленькой квартире.

Было тихо. Слишком тихо. До чего же мне стало тошно. От всего – и в первую очередь от самого себя. С кислым ощущением в желудке я встал и вышел из квартиры.

Ева

Я ждала.

Но он не пришел.

Я ждала каждый день.

Неделю.

Он не пришел.

Я даже переступила через свою гордость и попросила у Закари его номер.

Но мне отказали.

И Кингсли не пришел.

Единственное, что я знала – он все еще здесь. Закари мне рассказал.

Значит, он был здесь, но меня видеть не хотел.

Меня поразило, как больно кольнула эта мысль. Я подышала на оконное стекло и нарисовала пальцем маленький смайлик, хотя на деле хотелось плакать. Не всем мирам суждено столкнуться – некоторые соприкасаются на одно лишь мгновение и расходятся навеки. Что ж, скажу оконному стеклу то, что уже не могла сказать юноше с золотистыми глазами:

– Пока, Кингсли. Мне было приятно познакомиться с тобой.

Как бы мне хотелось узнать тебя получше.

Хотелось бы... У меня было еще столько желаний.

Но, как оказалось, для нас двоих им не суждено было сбыться.

Кингсли

Я так и не улетел в Нью-Йорк. Остался. Сам не мог понять, почему. Вернее, не так: знал, но стыдился признаться себе, что каждый день после работы в саду или в конюшнях брожу по территории, как собака, отчаянно надеясь увидеть принцессу.

Бред. Стыдоба.

И все же я был здесь: шел по хрустящей подъездной дорожке, пробрался через парк. Резко свернул и вышел к побережью. Шум воды почти утопал в шуме листвы высокого клена. Того самого, с которого Ева тогда упала на меня.

Я прислонился лбом к шершавой коре и глубоко вздохнул. Может, надо было сразу улететь в Нью-Йорк?

Вибрация в кармане брюк заставила меня вздохнуть. Звонила мама. Мне даже не надо было смотреть на экран – кроме нее, мне никто не звонил. Чендлер и Декс писали мне, но я не отвечал. Решил, что отвечу, когда вернусь. В настоящую жизнь. Когда буду изучать искусство и буду счастлив. Буду

тусоваться с Ченом и навещать Декса на каникулах. Таков был план. Наш единственный план.

Я вытащил телефон и прислонился спиной к дереву. Подняв взгляд вверх, я как раз собирался ответить, когда заметил над собой ветку. Она была широкой и плоской и тянулась вплотную к дворцу. Выглядело уютно. Укромно. Подальше от всего этого дерьма.

С тяжелым сердцем я сбросил звонок, убрал телефон в карман и схватился за одну из нижних веток. Пришлось подпрыгнуть. Напрягая мышцы рук и живота, я подтянулся. Зашелестела листва, и с соседней ветки вспорхнула птица. Поймав равновесие, я потянулся к ближайшей ветке, но стоило мне ухватиться за нее, как она прогнулась под моими пальцами. Проклятье. Глубоко вздохнув, я заметил другую ветку – дотянуться до нее было невозможно, поэтому я сгруппировался и подпрыгнул. Допрыгнуть я до нее допрыгнул, но толком зацепиться за нее не смог. Я повис на одной руке, а ноги болтались в воздухе. Стиснув зубы, я ухватился за ветку второй рукой и снова подтянулся. Осторожно перебирая руками, я наконец подобрался поближе к стволу. Раскачался и с размаху взметнулся на развилку двух крепких веток.

Отлично.

Тяжело дыша, я на мгновение замер, чувствуя, как по шее стекает пот, как горят мышцы рук. Я открыл глаза и увидел, что подо мной лежит мир. Далеко внизу. А надо мной, слегка

прикрытое кроной дерева, раскинулось море звезд. Я вытер пот со лба, осторожно привалился спиной к стволу клена и поднял голову. Никогда в жизни я не видел столько звезд.

Я бесцельно оглядывался, пока вдруг не заметил какое-то движение. Силуэт на третьем этаже. Я застыл, и внутри у меня все замерло. Это была она. Ева сидела на подоконнике и читала книгу. Под спину она подложила подушку, а ее распущенные темные волосы густым каскадом струились по ее плечам. Я находился достаточно близко, чтобы увидеть, как она поджала пальцы босых ног. Сцена, наверное, была напряженная. Во рту у нее был твизлер. Рассеянно пожевывая его, она перелистнула страницу. Даже руки ее были прекрасны. Такие крохотные по сравнению с моими.

Я чувствовал себя каким-то сталкером, вот так сидя на дереве, разглядывая ее и пытаясь найти изъян... и не находя. Надо отвести взгляд. Слезть. Но я не сделал ни того, ни другого, и что-то в моей груди опасно сжалось. Когда телефон снова загудел, я взял трубку. Почти с облегчением.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.